
ПИОНЕР
23
"Молодая Гвардия"
А.Л.

САМОДЕЛЬНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

А. Головинский

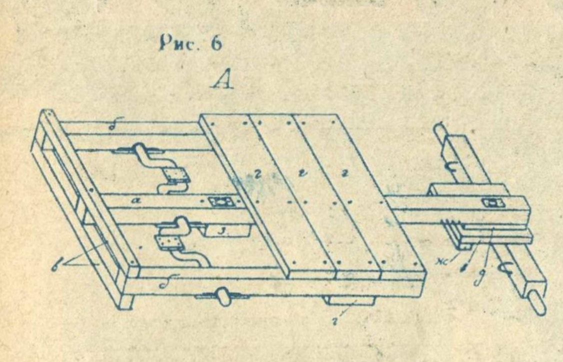
Недавно редакция была завалена пачками деткоровских писем. Их было так много, что нехватало времени прочитывать их. В письмах спрашивали о том, как самому построить автомобиль.

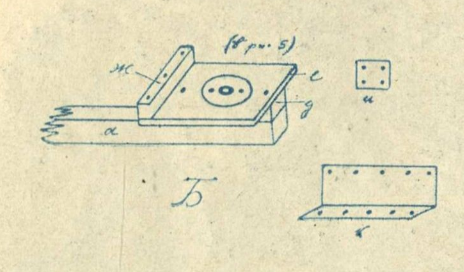
Мы отвечаем на эти письма сразу, вот этой статьей, которая печатается с 22-го номера „ПИОНЕРА“.

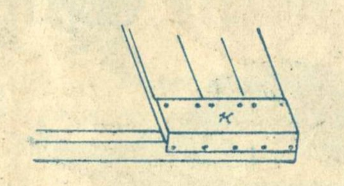
Работайте, ребята! Сделаете автомобиль, приезжайте на нем к нам, мы посмотрим, хорошо ли сделали.

(Продолжение [1])

Рис. 6

2. Шасси (рама), рис. 6

Сначала надо заготовить отдельные части. Чтобы не запутывать рисунков стрелками и числами, размеры отдельных частей даются в тексте тремя числами: первое число означает длину, второе—ширину и третье—толщину или вышину.

Средний брус **а** = 135 см. × 5 см. × 5 см.—1 шт.
Боковые планки **б** = 100 см. × 5 см. × $\times 2\frac{1}{2}$ см.—2 шт.
Передние планки **в** = 56 см. × 3 см. × $\times 2\frac{1}{2}$ см.—2 шт.
Доски для настила и для скрепления рамы внизу **г** = 56 см. × $\times 13\frac{1}{2}$ см. × 12 мм.—4 шт.
Рулевая подкладка **з** = 16 см. × 5 см. × ×5 см.—1 шт.
Подкладка под поворотным предохранителем **д** = 22 см. × 5 см. × 4 см.—1 шт.
Площадка поворотного предохранителя **е** = 22 см. × 22 см. × 8 мм.— 1 шт.
Брусок—гребень поворотного предохранителя **ж** = 22 см. × 3 см. × 3 см.— 1 шт.

Все части надо точно и аккуратно отпилить и выстрогать рубанком под угольник.

Площадку **е** для поворотного предохранителя сделать из двух кусков 4-миллиметровой фанеры, наложить их друг на друга и крепко сбить маленькими гвоздочками.

Сборка рамы производится так: положить на пол длинный брусок **а**, а по бокам его планки **б** и хорошенько проверить их параллельность, а затем прибить верхние доски настила **г**. Общая ширина настила, считая справа, будет 40 см. Забивая гвозди, надо очень следить, чтобы рама не перекосилась. Нижнюю доску **г** надо прихватить верхними гвоздями и концы их загнуть.

Передние планки **в** наложить на бруски—**а** и **б** один сверху, а другой снизу и прибить их сначала маленькими гвоздочками. Потом самодельным тонким сверлом просверлить насквозь дыры и в эти дыры уже забить большие гвозди, концы которых загнуть.

Далее в среднем бруске **а** необходимо просверлить на расстоянии 48 см., считая спереди, полдюймовым сверлом дыру для рулевого стержня. Такую же дыру просверлить и в середине рулевой подкладки **з** и двумя большими гвоздями прибить ее к бруску **а**, предварительно также просверлив самодельным тонким сверлом отверстия, чтоб бруски не раскололись. Сверху и снизу рулевого отверстия нужно прибить квадратные жестяные планки **и** (5 × 5 см.) таким порядком, как прибивался поворотный круг к подушке задней оси, и потом бородком пробить в них дыры.

По обеим сторонам настила рамы прибиваются листы кровельного железа **к**, длиной 40 см. и шир. 15 см., наружные концы которых загибаются, чтобы закрыть торцы досок (см. букву **К**). Эта часть настила будет служить подножкой. Загиб жести равен 3 см. Потом с нижней стороны рамы на брусках **а** и **б** на расстоянии 30 см., считая спереди, надо пропилить углубления шириной и глубиной $1\frac{1}{2}$ см. для подшипников. Подшипники вставляются на место, после тщательной пригонки их так, чтобы они плотно прилегали, и наглухо прибиваются гвоздями.

Накладки нужно прибить наглухо только с одной стороны и прямо к деревянному бруску, а второй гвоздь забить после того, как будут вставлены колеса, и то забивать не до конца, а загнуть. Когда потребуется снять колеса, тогда этот загнутый гвоздь вытаскивается клещами, а накладка отвертывается в сторону.

Прописной буквой **Б** показан поворотный предохранитель к задней оси в опрокинутом виде.

В среднем бруске **а** на расстоянии 8 см. от края просверливается полдюймовым сверлом дыра для шкворня. Такая же дыра просверливается в подкладке **д** и в площадке **е**. С внутренней стороны к площадке **е** крепко прибивается брусок-гребень **ж**. Подкладку **д** и площадку **е** двумя большими гвоздями надо прибить к бруску **а**.

Сверху, над отверстием для шкворня, надо прибить жестяную пластинку **и** так как прибивалась пластинка для рулевого отверстия, а с обратной стороны, на поворотной площадке нужно прибить поворотный круг (в рис. 5) [2] таким порядком, как прибивался поворотный круг к подушке задней оси. Наконец коленчатый вал и шкворень вставляются на место, а под шпильки шкворня внизу и вверху подкладываются шайбы.

Смазку делать пока не надо.

Таким образом шасси готово.

[1] См. „Пионер“ № 22.

[2] См. „Пионер“ № 22.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Москва, Центр, Новая пл., 6/8.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
На 12 м. 3 р. — к.
» 6 » 1 » 60 »
» 3 » — » 85 »

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

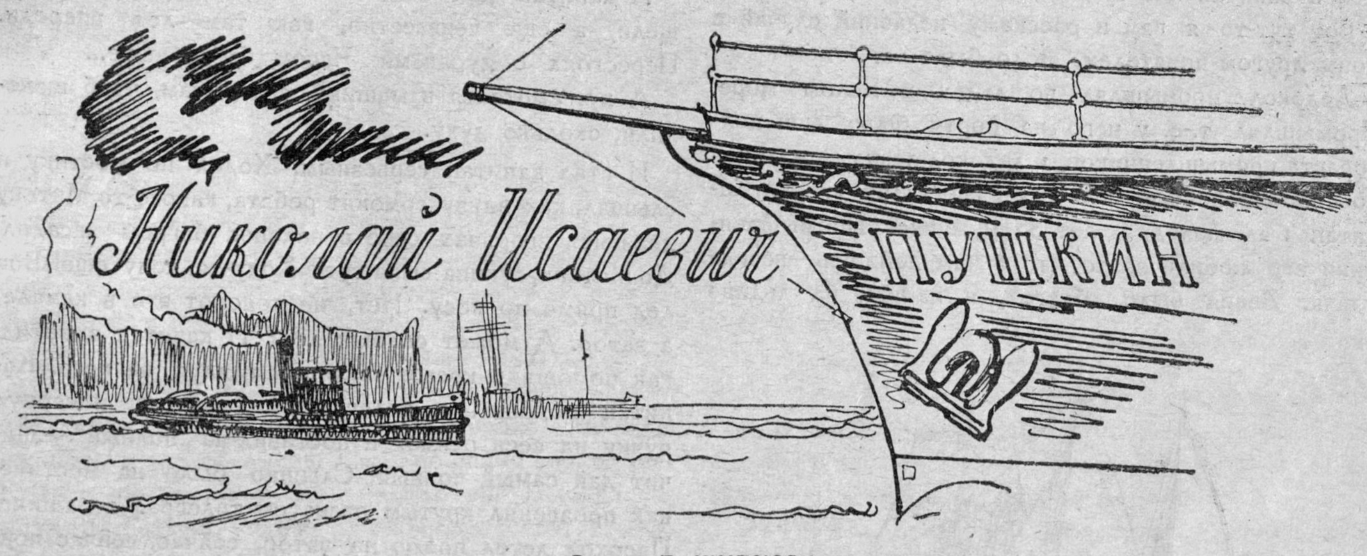
Декабрь 1928

№ 23

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ имени В. И. ЛЕНИНА при ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ при МК ВЛКСМ и НАРКОМПРОСА

Рассказ Б. ЖИТКОВА
Рис. худ. ПАВЛИНОВА

Стоят на пристани пассажиры, ждут парохода.

— Вон, вон, кажется „Пушкин" идет.

Отвечают портовые люди:

— Правильно, это Стратонов.

Пассажиры:

— „Пушкин" ведь?

— Ну, да: Николай Исаич.

Пассажиры переглядываются: вот неучи какие моряки, не знают, что Пушкин—Александр Сергеич. Николай Исаич Пушкин! Вот дураки-то.

А Николай Исаич стоит на мостике „Пушкина", глядит в бинокль на створы [1] и рявкает из бороды.

— Права... еще права. Так, так держать!

И знает Николай Исаич, что весь „Пушкин", от клотика [2] до киля [3], — все это он—Николай Исаич. И что когда посадит он „Пушкина" на мель, никто не скажет: „Пушкин" напоролся, а прямо будут говорить:

— Николай Исаич на бочку [4] сел. Стратонову скулу помяло... пять фут воды в фортике [5].

Сам все эти пять фут воды ртом бы выпил, и пусть бы обе скулы всю бы морду ему разворотили, с радостью дал бы Николай Исаич,—лишь бы не было такого греха.

И так вот всякий капитан.

Потому и говорят: Ерохин снялся, Федор с моря идет.

А в „Федоре" этом—десять тысяч тонн и на носу накрашено „Меркурий".

Я сам это понял только тогда, когда первый раз посадил парусник. Дело было просто: шел я в свежую погоду к Тендре, ночью. Помощник мой вахту стоял. Вот по времени должна уж быть Тендра. А это, надо сказать, песчаная коса, ее и днем-то за двести саженей можно не увидеть. Я вышел и слышу: не то зыбь, метет прибой, россыпи слышно. Я говорю помощнику:

— Сейчас в Тендру вопремся, уваливайтесь под ветер.

А он говорит:

— Приведите к ветру [6], лот [7] брошу.

А привести к ветру значит с ходу еще сажен двадцать пролететь к берегу.

— Приведите!—кричит помощник.

— На вашу голову?

— Ладно,—и побежал он с лотом на бак [8].

Я привел и еще ходу не потеряли, как ткнуло в грунт и дрогнуло все судно: Подняло зыбью и ударило дном. У меня душа оборвалась.

Потом на берегу спрашивали:

---

[1] Указатель пути на берегу.
[2] Шишка на верхушке мачты.
[3] Ребро вдоль судна.
[4] Отмель.
[5] Носовой трюм.
[6] „Привести к ветру"— стать против ветра.
[7] Лот—веревка с гирей для измерения глубины.
[8] Носовая часть палубы.

— Ты под Тендрой сидел?

— Да понимаешь, помощник...

Все усмехаются, отворачиваются. Никто настоящего слова не сказал. Отец только мне сказал это слово, да его не напечатают.

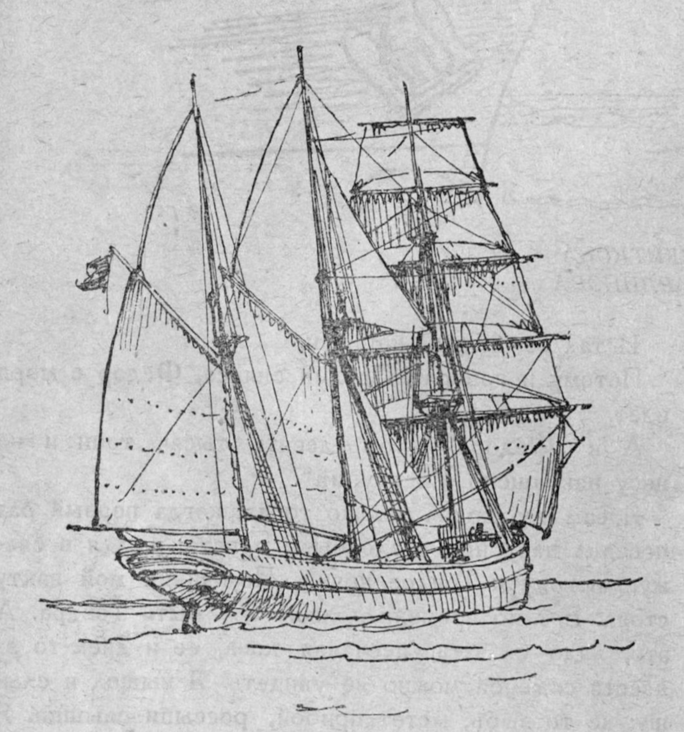
И верно.

А помощнику что? Сидел-то ведь не он, а я.

И с тех пор я уж накрепко понял: не судно ходит, а капитан. Не судно гибнет, а...

Вот тут-то я вам и расскажу недавний случай с моим другом-приятелем. Дело было так.

Ледокол промышлял во льдах в Белом море. Промышлял, т.-е. у него на борту было душ полтораста промышленников, и ледокол лазил меж льдов по свободной воде, шел туда, где залег зверь. Капитан был молодой, лет 35 мужчина. Промышленники его любили за то, что с ним пойдешь—всегда удача. Зверя было „благо", и набили на льдине

Сам я когда-то парусник на мель посадил...

тюленей—пропасть. Били и отстать не могли, в раж вошли люди от крови и от удачи. Такая жара пошла, что капитан сам не выдержал, сбежал на лед и ссадил багром тюленьи головы.

— Эх, здорово капитан завел,—красные, в поту и в крови, хвалили капитана промышленники.

А от веста[1] потянул ветерок. Капитан уже на месте и торопит ребят:

— Ну, кончай! кончай.

Да как бросишь? — в десять лет раз, вот старики говорят, такая удача. Не бросать же, коли само счастье в руки лезет. Отвернись от него, и оно отворотится. А вест свежает. Свежает вест, давит на лед, и вот двинулась льдина и дрейфует[2] ледокол у кромки со льдом. По-малу дрейфует к осту[3].

Темнеть стало. Ай и капитан, ну и капитан — прямо счастью в карман вперся! Еще полчасика!

— Все на борт, снимаюсь!

Двинул капитан вдоль кромки: узкой полосой шла как река в ледяных берегах свободная вода.

Умаялись ребята, вари чего там, на ужин.

А капитан дал полный ход, надо уйти из этой щели, а еще неизвестно, как там лед впереди. Перестоял с дураками. Часом бы раньше...

А ну, смотайся в машину, скажи там, чтоб шевелили, сколько духу.

И стал капитан серьезным. Ходил по мостику и слышал, как внизу гомонят ребята, какого-то Митьку дразнят: вгорячах себе в валенок багром засадил. До Митьки, сукина сына тут? Ходу-то, ходу еще! Вон лед прямо по носу. Нет, не поворот это в канале, а затор. А может слабый лед? И капитан заметил, как помощник косым взглядом глянул на него. Капитан подошел к телеграфу и два раза повернул ручку на весь размах и поставил на „полный"—значит дай самый полный. Слышно было на мостике, как прозвонил крутым раскатом телеграф в машине. Пароход летел прямо на затор, сейчас, сейчас вонзится. Пароход ударил лед пологим форштевнем[4], выскочил, задрался нос, и сразу смолкли голоса под мостиком. Ледокол влез носом на лед и стал, тужился машиной. И капитан, и помощник, сами того не замечая, напирали на планширь мостика, тужились вместе с ледоколом. Нет! Стоп.

— Назад!

Машина стала и снова заурчала в брюхе парохода. Ледокол слез, скатился форштевнем, соскочил со льда и присел на минуту нос. Лед не поддался. Два раза ударил еще в лед капитан и запыхался, помогая пароходу. Он знал, что назад выхода нет и развернуться в узком канале нельзя. А внизу опять гудят, орут, как на ярмарке.

— Митька-то, в валенок!... Ах, чтоб тебя!

И кто-то кричит:

— Значит дрейфуем, вались спать, ребята...

Капитан сам знал, что придется дрейфовать к осту вместе со льдом в этом узком канале, в ледяной коробке. И знал капитан, знал по счислению, что там, справа к осту — кошки Литке. Пошел в штурманскую, глянул в карту, глянул во всю силу. Да, вот ровно на ост — кошки Литке. И сейчас отлив, малая вода.

А вест свежал и свежал. Стало темно, промышленники уж глухо гудели под палубой, и только две папироски остро горели у правого борта. Двое курили и сплевывали за борт.

---

[1] Вест—запад.

Дрейфовать—итти без машины, силою ветра.

[3] Ост—восток.

[4] Выступающее ребро на носу.

Если б можно было ходить пешком по дну, хотя бы в водолазной скафандре[1], то чего бы человек не увидел. Как леса, стоят на каменьях водоросли, и в них, как птицы, реют рыбы. Вот, как пустыня, лежит песчаная отмель, и камни, как ежи, сидят, заросли ракушей. А дальше горы. Горы стоят, как пики, уходят ввысь, и если взобраться на них — уж рукой подать до неба — до водяной крыши, что дышит приливом и отливом каждые шесть часов.

И такие горы стоят на дне Белого моря. Их нащупал Литке, нанес на карту, и с тех пор называются „Кошки Литке". И в полную приливную воду может над ними пройти пароход, но в отлив — напорется и раскроит себе брюхо.

Эти самые кошки и били по правому борту ледокола, и был отлив, т.-е. была „кроткая вода"; когда кончится отлив, должен начаться прилив.

Капитан знал это. Знал, что в узком канале он будет дрейфовать до самых кошек; что если он брюхом упрется в кошки, то через минуту лед слева подойдет к борту вплотную, напрет, — напрет неодолимо, как если бы берег, материк надвинулся на него, — напрет в борт и положит ледокол мачтами на воду, и тогда — аминь. Звать по радио на помощь? Кто же пробьется к нему, когда он, ледокол, не может выбиться? Только раззвонить по свету... чтоб люди смеялись, и враги радовались. И он знал, что вот скоро-скоро царапнет дном, уже чувствовал под ногами, как зазудит, заскрежещет железное дно по каменьям.

Приказал держать полный пар и ушел в каюту. Посидел на койке, все смотрел на свои большие руки.

„Положит на бок пароход... положит меня на борт"...

Где кошки? И спиной чувствовал, что там, сзади него, под водой, подо льдом стоят эти кошки и ждут.

... На льдинах тюленей — пропасть, били и отстать не могли...

Сколько до них? Нельзя знать, тут дело в саженях. Поглядел в альманах[2]. И без карандаша в уме считалось само до секунды — сейчас идет прилив, только начался. И капитан натуживался, помогал подниматься воде, каждый дюйм воды будто сам своей натугой подымал. На пароходе было тихо и только слышно было под низом, как гудит динамо, качает свет. Свежий вест драил по мостику. А ухо было все внизу, там у дна, где должны царапнуть камни. Капитан перестал глядеть на часы и считать дюймы, а слушал. Переводил дух и слушал.

Капитан взял секстан

Вот! Чиркнуло. На пароходе спокойно, никто не слышал. Капитан вытянул ящик и вынул кольт. Чистенький, никелированный. Весу его не почуял и как пустой рукой положил на столик...

Камни теперь пойдут выше и выше... Но бежит вода на помощь, оттуда, из океана через горло Белого моря. Поспеет ли?

Ух, заскребло, как заскрежетал кто зубами. И пошатнуло ледокол. И вон голоса на палубе. Помощник прошагал мимо двери, но не стукнул в дверь... Опять! Покренился чуть... Пронесло... Кричит кто-то на палубе:

— На лед, да и пойдем, еще как пойдем-то, куда с добром. Телеграмму даст... Всех снимут. Да, к маяку зашагаем, что по земле. Погоди скакать, трап спустим.

Гудят, топают. Теперь дажа весело кричат. Все полтораста на палубе... Механик около дверей говорит:

— Так вы спросите, тушить что ли котлы? А то я на лед и марш.

И голос помощника:

— Спрашивайте сами... А я и спрашивать не стану. Вона сколько уж народу на льду-то.

И оба отошли через минуту.

Опять! Опять! И в ответ загудело на палубе, как ура. Ледокол накренился еще, еще, но капитан слышал, как силится, скребется он дном по каменьям. Капитан взял в руку кольт. Нет, поддувает, поддувает вода... и в упор к борту стоит лед.

Нету! Нету! Уже пять минут, может быть нету... Капитан взглянул на часы. Если еще пять минут не будет...

И не было. Капитан глянул на себя в зеркало. Он был красен весь, лицом и шеей в один ровный багровый цвет. Не узнавал красного человека и от глаз не мог оторваться: сам в себя смотрел.

Потом, не брякнув, сунул кольт в ящик и аккуратно притворил. Вышел на мостик. Всходила красная луна.

— Определиться?[3] — спросил помощник.

— Всех я вас уж определил, кто чего стоит, — сказал капитан и сам взял секстан[4] из штурманской.

А утром стал бриться и увидал, что виски седые.

[1] В водолазной одежде.

[2] Астрономический справочник.

[3] „Определиться" значит астрономическими наблюдениями узнать, где находится судно.

[4] Астрономический прибор.

Рассказ С. МАСАЛИНА
Рис. худ. АКСЕЛЬРОДА

1. УТРО МОТЬКИ

За печкой живут большие черные тараканы, но Мотька их не боится. Просыпаясь утром, он всегда видит их на белой стене; они собираются вместе, шевелят длинными усами и как будто о чем-то толкуют.

А вон тот, самый большой таракан, совсем как дядя Митрий. Дядя Митрий—водовоз, и когда он приезжает со своей бочкой к колодцу, собираются вокруг него бабы, а он рассказывает им веселые истории. Дядя Митрий при этом размахивает руками и переступает с ноги на ногу. Точь в точь, как таракан...

Мотька тоже думает быть водовозом, когда вырастет большим. У него будет хорошая бочка с плотной крышкой и гнедая лошадка. Быстро-быстро будет ездить он по зеленым улицам и кропить синими брызгами старые заборы.

— Ух, ма! Вода приехала...

За печкой всегда темно, даже и тогда, когда в горнице солнышко играет зайчиками. Поэтому, прежде чем встать, Мотька долго лежит и наблюдает за тараканами или о чем-нибудь думает.

Но сегодня воскресенье. Ярмарка. Мать честная! А Мотька и забыл совсем об этом. Третьего дня он ходил на площадь. Там еще ничего не было, только строились балаганы и палатки. А теперь? Федька Глазок небось на ярмарке и торгует ирисками.

Он, Мотька, понятия не имеет, какая это такая ярмарка. Базар—не базар, гулянье—не гулянье. А кругом только и разговоров было, что о ярмарке; готовились все к ней, как к празднику большому.

Вчера например маляры, что живут у портного, к празднику домишко крыли свежей краской. Портной видно сидел дома, торопился кончить заказы к сроку, а маляры старались. Один из них большой кистью мазал стену красной краской, а другой — маленькой кисточкой закрашивал в белое ставни.

Правда, у маляров нехватило краски на весь дом портного. Они выкрасили только переднюю стенку.

Но зато как выкрасили... Мотька нарочно отходил полюбоваться на нее издали. Эту красную стенку заметно наверно с другого конца города.

Маляры и то остались довольны своей работой. Они потом выставили окно и до самого вечера сидели по очереди на подоконнике, нюхали краску, пробовали ее пальцами — не засохла ли, и играли на балалайке. Молодым малярам конечно приятно было иметь к ярмарке такую красивую квартиру.

Но все удовольствие испортил хозяин. Он сдал наконец последний заказ и вышел посмотреть на работу маляров. Плешивый портной, кривоногий от сидячей работы, только крякнул, когда вышел за ворота и увидал размалеванную стенку своей хаты. Он надел очки, молча прошелся мимо, потом без очков посмотрел издали и начал и начал...

Мотька никогда не думал, чтобы тихий старичок мог так раз'ерепениться. Портной, вне себя от злости, долго бегал у своей избы, колотил палкой трухлявые ее стены и кричал на всю улицу:

— Лодыри, молокососы! Вам бы балаганы устраивать да петрушки представлять! Испакостили к празднику дом, собачьи дети! Чтоб вам кистью по башке треснуло, мазилки несчастные! Чтоб вам захлебнуться проклятой краской вашей!..

Что было дальше—Мотька не слыхал. Мать послала его в лавку. Когда же он очутился снова у избы портного, там все было тихо. Маманька говорит, что дело у них окончилось мирно. Маляры угостили портного водкой и обещались после ярмарки выкрасить ему весь дом целиком и крышу.

Мотьке хочется скорее встать и бежать на чудесную ярмарку. Но он слышит, как за стенкой мать возится с самоваром, а старший брат Мишка гремит рукомойником, и звучно отплевывается.

„Придется подождать... Сейчас Мишка уйдет,— думает Мотька.—А то заведет волынку—только слушай“.

Потом мать ставит самовар на стол и говорит тихо. Она всегда так разговаривает с Мишкой.

— Миша, выпей чайку, а после и пойдешь. Нагуляешься еще день-деньской-то.

— А вам и в праздник бы работать... Нашли дурака!—огрызается Мишка.—Небось заработал— могу попить, когда захочу.

Мать молчит.

Мотька лежит и слушает, что будет дальше. Но Мишка должно быть сегодня в хорошем настроении и ругаться не намерен. Он садится на кровать и пыхтя натягивает новые сапоги. Дрожат чашки, ухваты, трещит от Мишкиных усилий кровать и тонкая перегородка.

— Ты бы потише. Разорвешь еще на грех,—говорит опять мать.

— Свое, не твое рву, стало быть нечего и жалеть... „Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву“.

Наконец сапоги надеты, и Мишка, хлопнув дверью, выходит вон. Тогда Мотька встает и идет смело пить чай.

— Мам, пойдешь на ярмарку?

— По миру скоро итти, а не на ярмарку,—вздыхает мать.

Мотька больше не расспрашивает. Он уж знает, что кормилец Мишка от них уходит. Мишка нашел в слободе толстую девушку и хочет на ней жениться. Сам Мотька очень рад этому. Они, вдвоем с матерью, прожили бы хорошо: она будет сбирать, а он, Мотька, тоже найдет дело.

— Мама, не горюй! Я буду торговать на станции ирисками, как Федька Глазок, и дело у нас пойдет. А на Мишку наплевать... Пусть крутится со своей девицей. Зато ругаться больше не будет.

2. ЯРМАРКА ОТКРЫЛАСЬ

Мотька не идет, а бежит к площади. Ему не хочется даже любоваться красивым фасадом портновского дома. Собственно, если присмотреться, то и нет больше у портного дома, а есть только одна раскрашенная стенка. Выстроили ее зачем-то плотники, покрыли краской и ушли, не докончив остальной работы. Мотьке теперь понятно, почему так ругался старик. Спрятали у него маляры избу!

Мотька стремглав бежит мимо знакомых заборов. Ему все кажется, что он прозевал и ярмарку и карусель; придет на площадь, а там уж нет ничего.

Вон, видно теперь каланчу. Дальше должны быть городские весы. Но где же они? Где же просторная площадь? Их нет.

Там сейчас какая-то непривычная пестрота. Как будто не в меру угодливый продавец взял да и раскидал перед покупателем все свои яркоцветные ткани, а они не разместились на прилавке и покрыли собою всю площадь и палатки и даже весы.

Красиво, слов нет. Мотька теперь, вовсе не прищуривая глаз, может разглядеть, что пестрые пятна шевелятся, передвигаются с места на место.

Должно быть это и есть ярмарка?

Мотька бежит еще дальше. Он уже на площади. Но цветных пятен, таких красивых издали, больше нет. Есть желтые и серые палатки с грудами конфет, пряников и золоченых орехов. Есть синие, зеленые, кумачные рубахи и кофточки, шелковые ленточки и в палатках и в косах девушек. Есть много-много цветов и красок. И все это разносит по площади многолюдная и горластая толпа.

Мотька в восторге. Он не знает куда смотреть, к чему прислушиваться. Кругом столько интересного!

Мотька бежит все дальше, в самую гущу людей и палаток. Он только на минутку останавливается, чтобы посмотреть, как мужик большим деревянным молотком бьет по наковальне, пробуя силу. Наковальня ушла от удара в землю, молоток чуть не сломался в сильных руках, но звонка не получилось. Мужик платит пятак, в раздумье чешет затылок и хочет ударить еще раз.

„Добьет он до звонка или нет?“—думает Мотька. Ему хочется еще раз посмотреть, как ударит мужик. Но, где тут! Прямо перед Мотькой расписная вывеска балагана, а над ней смешные петрушки угощают друг друга звонкими пощечинами.

Толпа у балагана особенно густа. Мотька, путаясь под ногами гуляющих, еле-еле продвигается вперед. Его никто здесь не замечает, и скорлупа от семечек и орехов летит на Мотькины плечи и голову, как на пустое место.

А там, дальше... Смотри! Вот она, карусель.

...Блестят на солнце, переливаются всеми цветами золотые шары. Серебряные змейки вьются кругом невиданным узором. И все крутится, вертится в бешеном вихре, и не разберешь, где что. Одно сплошное огневое колесо пущено и не хочет остановиться.

Видно только, как у расшитого ковра черноволосый, похожий на цыгана, человек в бархатной жилетке растягивает гармонь. Другой согнулся над барабаном и, что есть духу, колотит в него колотушкой и бьет медными тарелками. Устали оба, стараются во-всю, но не слышно ни гармошки, ни барабана в море шума и криков. Только сам гармонист, прижавшись ухом к мехам, наслаждается своей музыкой и свистит, и приплясывает ей в такт.

Мотька разглядел наконец на карусели дядю Митрия. Водовоз вцепился крепко в своего коня и мелькает вместе с золотыми шарами, болтает ногами и орет, широко раскрывая рот. Но, что кричит он? Поди, разбери!

А вон и Мишка в новых сапогах и толстовке скачет на паре со своей девицей и, довольный, ржет и за себя и за коня, который крутит его вместе с остальными.

Федька Глазок тоже мелькает на карусели. Но он вертится на своем седле, как на шиле, и все время поглядывает в сторону бабы с сумкой. Видно сразу, что парнишка приобрел место „на арапа“.

И неразлучные молодые маляры тут. Вон они ухарски промчались на зеленых конях. Один из них бренчит на балалайке, а другой видно ищет кого-то в толпе. Они не держатся даже за свою палку, как Мишка и другие,—обходятся без нее.

А Федька Глазок уже около Мотьки.

— Иди крутить, смену набирают,—кричит он, и тащит Мотьку мимо коней и лодочек в самое нутро карусели.

Здесь темно, как в погребе. Дядя, который бил в барабан, держит лестницу и поторапливает:

— А ну! А ну! Живей!..

— Шестером управимся, — докладывает Федька,

Мишка натягивает новые сапоги

потом лезет куда-то вверх. А за ним Мотька и остальные ребята.

— Становись по стойлам! Сейчас звонок!.. Звонок! Начинай!..—командует Федька и первый грудью толкает вперед бревно.

Трещит досчатый настил под ногами, пружинится ребячья сила в руках и ногах, и плавно-плавно трогается в путь громоздкая шляпа.

У Мотьки в глазах все еще беспрерывный солнечный бег разноцветных шаров и серебряных змеек. Он с удивлением глядит на серую грязную крышу, на неуклюжие бревна и решительно не знает, что ему делать.

А бревно из-под его рук ползет, как живое. Другое бревно сзади, вот-вот ударит по ногам. Некуда спрятаться, некуда уйти. Мышонком, попавшим в западню, чувствует себя Мотька. Он отставляет ноги от заднего бревна, а оно уж опять рядом. Он бежит от него по кругу все вперед и вперед, но проклятое бревно не отстает. Одно спасение — схватиться за бревно, которое впереди. Мотька так и делает. Он догоняет бревно и, цепляясь за него руками, бежит за ним.

— Зачем тормозишь?.. Зачем? Поддай вперед!— визжит отчаянно Федька. Но Мотька не слышит. Трещит, орет, играет и в барабан бьет карусельный разгул, и все сливается в один сплошной рев.

3. МОТЬКА НА КАРУСЕЛИ

Федька Глазок занятой парнишка. Не будет же он зря околачиваться у карусели, когда торговля ирисками идет так ходко и время для этого самое подходящее. Крутили-крутили они, а потом Федька и говорит хозяину:

— Некогда,—говорит, — мне, дорогой, пустяками заниматься. У меня,—говорит,—особые дела. Побаловался и будет. Возьми,—говорит, — вот Мотьку в помощники—парнишка обученый.

А хозяину не все ли равно? Крутилась бы только карусель.

Но Мотька в восторге. Заманчивая, сказочно-прекрасная карусель у его ног. Он теперь может крутить ее сколько хочет, и ни капельки не испугается. Он может даже выбирать себе любого коня и скакать вместе с другими среди раззолоченых шаров и серебряных змеек.

Мотька тогда крепко охватывает руками коня и не сводит глаз с золотых шаров до тех пор, пока карусель не остановиться. Он нарочно смотрит на эти шары. Потому что, если посмотреть мимо них, тогда начинают кружиться балаганы, каланча, палатки и вся площадь, многолюдная и шумная. Кажется тогда Мотьке, что он со своим конем застыл на месте, а все остальное, весь мир—одна пестрая сплошная карусель, которая вертится быстро-быстро.

Но Мотьке не приходится часто кататься на карусели. У него много дела —только поспевай. Это он теперь набирает смену и командует там, наверху. Иногда Мотьку заставляют даже бить в барабан и медные тарелки.

Бьет Мотька в барабан и вроде не охота ему даже итти обедать. Он освоился теперь и с каруселью и с ярмаркой, а шум его больше не оглушает.

Вон откуда-то появился дядя Митрий. Водовоз вдребезги пьян и едва может итти. Но он тянется к карусели и во что бы то ни стало хочет сесть на коня. Дядю Митрия оттаскивают прочь, карусель уже завертелась, а он ругается и рвется вперед, как ребенок, который увидал красивую игрушку.

„Что бы такое сделалось с водовозом? — думает Мотька.—Никогда человек пьяным не был, и вдруг— так“.

Да мало ли что случается у карусели. Только смотри. Вот сейчас Мотьке нужно бежать наверх, а между тем внизу так интересно. Там пришли опять неразлучные маляры. И не одни—с ними какая-то девушка.

Но Мотьке и сверху видно их. Маляры сели в лодочку. Один из них все время разговаривает с девушкой и трогает ее за руки, а другой отворотился в сторону и молчит. Видно ему не нравится в лодочке и он может быть жалеет, что не сел на коня.

У Мотьки понятно слишком много работы, чтоб все время следить за малярами. Только как же это получилось, что неразлучные друзья расстались? Мотька никогда не видал маляров по отдельности. Парень, который тужил по коню, ушел куда-то с карусели, а другой все кружится и кружится с девицей, и видно горя ему мало, что приятель покинул его.

Не ушел ли он докрашивать портновскую хату?

В конце концов Мотьке не так уже интересны маляры. Пропадут они в толпе, на их место придут другие. Только смотри! У карусели быть, это не то, что лежать за печкой, где ползают одни черные тараканы.

Вот хозяин, так тот должно быть уж вдоволь налюбовался на свою блестящую карусель и всякого народу повидал достаточно. Он теперь уже и не глядит ни на что. Играет целый день на гармошке, как истукан, смотрит куда-то вдаль, и наплевать ему на то, что кругом делается.

Зато хозяйка, собирая пятаки, носится словно бешеная. Только и ей примелькалась карусель и все на свете. Поставь ей вместо карусели, где-нибудь за печкой, машинку, которая вертелась бы и выбрасывала пятаки,— была бы она вполне счастлива. Тогда бы хозяйка, не слезая с места, могла собирать свои монеты.

А ведь есть на что посмотреть в этой людской сутолоке.

Другой раз прямо глаза разбегаются. Наверное нигде в другом месте не встретишь столько народу— весь город перебывает на карусели.

4. КАРУСЕЛЬ ЗАЖИГАЕТ ФОНАРИ

А когда смеркнется день и тихая ночь, мерцая звездами, придет на площадь, карусель зажигает все свои фонари и крутится еще быстрее.

Неизменно, едва хозяйка успеет зажечь фонари, хозяин надевает свою черную расшитую жилетку и шелковую с блестками шапочку. В таком наряде он становится похожим на укротителя зверей из большого балагана; только вместо хлыста у него в руках старая скрипка. По вечерам хозяин никогда не играет на шумной гармошке; по вечерам он всегда берет эту хрупкую скрипку и не расстается с ней до поздней ночи.

Мотька любит такие тихие вечера, когда схлынет народ и только молчаливые пары будут мелькать в карусели. Тогда вдоволь можно смотреть на мерцающие огни и, слушая скрипку, думать о разных интересных вещах.

... Из его знакомых одни маляры посещают вечером карусель. Но Мотьке становится грустно, как только он вспомнит о них. Дело в том, что маляры

поссорились, их не увидишь больше вместе. А так весело было слушать их, когда, причесывая влажными кистями старые крыши, пели они свои песни, звонкие и беззаботные, как песни жаворонка.

Так из-за чего же поспорили маляры? Не из-за той ли девушки с большими черными, как тараканы, глазами. Она каждый вечер приходит на карусель, то с одним, то с другим маляром. Катались бы втроем, чего они, право!

Хотя в последнее время второй маляр совсем куда-то пропал, и на карусель с девушкой приходит все один и тот же.

Мотьке прямо смотреть противно на эту куклу. А маляр глаз с нее не сводит. Он даже почти не смотрит по сторонам и на красивые шары. Ему бы все слушать да слушать, что говорит эта девушка своим тонким голоском. Может быть маляр хочет взять ее с собой красить высокие крыши?

Не вечно же они будут кататься на карусели!

Мотька иногда с горя сам садится на свободного коня и мчится на нем навстречу ночи.

Он привык теперь скакать, не держась даже за палку. Но хозяин иногда слишком разыграется и карусель несется тогда, как вихрь. Тут уж без палки никак не обойдешься, особенно, если немножко привстать и посмотреть, что делается вон в той коляске.

Там появилась опять девушка с глазами, как черные тараканы. Но маляра нет! Нет с ней маляра! Ни того, ни другого... Рядом сидит какой-то заботливый паренек; он все время поддерживает ее за спину и за руки, боится должно быть, что она упадет из коляски. Ведь карусель вертится сегодня слишком быстро!

Пусть его старается. А Мотька плевать хотел на эту красивую девушку. Если даже и свалится она под карусель—не жалко.

То ли дело маляры бывало придут с балалайкой. Эх!

5. ИСТОРИЯ ВОДОВОЗНОЙ БОЧКИ

Мотька крепко устроился у карусели. Столько времени прошло, а он и дома почти не был. Только иногда вечерком удается ему сбегать на минутку к маманьке. Небось мальчишки вспоминают его, когда соберутся у сарая играть в бабки.

Конечно у карусели весело, и хозяин часто угощает Мотьку пряниками. Но не плохо бы теперь тоже немножко побегать с ребятами по пустырям и оврагам, или бы запустить под самое небо большого змея монаха с длинным хвостом из мочалки.

Но нет. Никак нельзя оставить карусель. Работы по горло. Убежишь—рассердится хозяйка, найдет она другого мальчугана, и пропала тогда вся Мотькина радость. Не придется ему сидеть по вечерам у пузатого барабана и смотреть на мелькающие огни—другой займет его место. Кроме того, придешь домой и как раз наскочишь на Мишку. А уж он не пропустит случая и сразу за все пропущенные дни надает Мотьке подзатыльников.

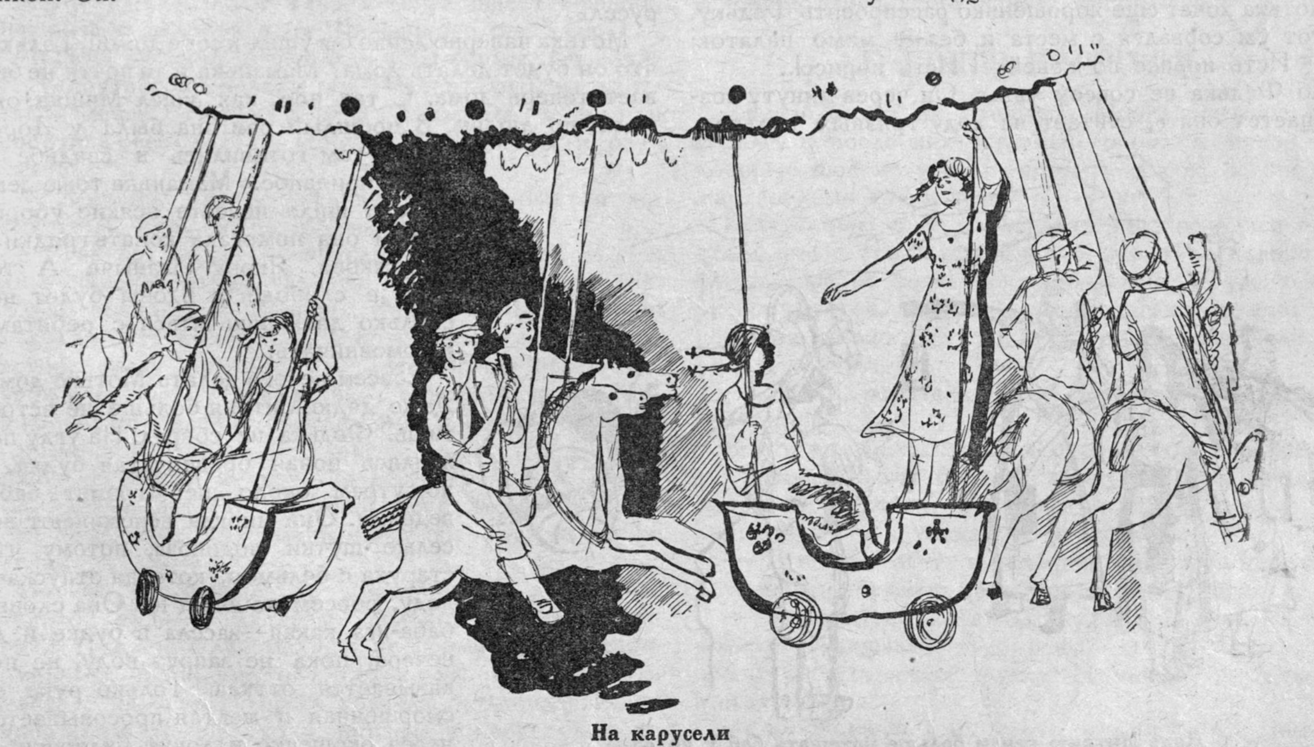
И знакомых что-то в последнее время не встретишь у карусели: ни маляров не видать, ни водовоза. Только один Федька забегает со свежими новостями.

В прошлый раз Мотька от него узнал, что граченок со сломанным крылом, который жил у Васьки Мокрястого, отчего-то сдох... А Петька-татарин разбил чижиком окно у тетки Марьи и, испугавшись, убежал неизвестно куда.

А не знает ли Федька, что случилось с дядей Митрием? На него жалко было смотреть, когда он приходил на карусель в последний раз. Он даже не ругался, а только обнимал все своего деревянного коня и пьяными слезами плакал на потеху публике.

Ну, никак нельзя было подумать, что это тот самый веселый водовоз, чьи смешные прибаутки раздавались бывало прохладным утром на улице.

Может быть водовоз грустит от того, что забыл вдруг все свои веселые истории и ему нечем больше потешать баб у колодца?

На карусели

Федька наверно знает об этом. Вон опять бежит он с коробочкой подмышкой.

— Федька, ты видал дядю Митрия? Что с ним сделалось?.. А?..

— Э!.. Дядя Митрий?! Крышка ему теперь,—говорит Федька и хлопает ладонью по своей коробке.

— Крышка?..

— Да, крышка. Тетка Марья купила у него бочку. А я думаю, зачем ей бочка? И другие тоже думают. А тетка Марья и говорит: „Зачем, — говорит, — не помочь человеку в несчастье. Почти задарма бочка-то. А я ее приспособлю.—И верно. Ведь вот хитрая баба! В другой раз смотрю, а бочка уж на попа стоит, и тетка Марья сама рядом шевелится. Тут соседки конечно спрашивают, кчему мол такая канитель, тетка Марья, и дно с верхнего бока начисто вышиблено? А она: „Очень просто,—говорит,—соображение... Капусту солить никак нельзя без пару". Гляжу, тащит горячих камней и бултых в бочку. Пар конечно, и вениками на всю улицу воняет. А я думаю: сколько надо капусты, да чтоб такую бочку...

— Да ты обожди,—перебивает Мотька.—Не надо про тетку Марью и капусту. Давай, говори о дяде Митрие.

— Я ж и толкую все по порядку. Обалдел ты что ль у карусели, понимать не можешь.

— Ну, ну!

— Так вот, значит. Тетка Марья хочет солить капусту... И кроме того устроили будочки... с крантиками такими. А водовозу—шиш с маслом. Вот он и запил с горя.

— Будочки, а?—Мотька силится понять приятеля, но ничего не понимает.—Какие будочки?

— Обыкновенные такие будочки... с крантиками с такими,—сердится Федька и вертит руками и коробкой перед самым Моткиным носом.—И на нашем углу теперь будочка, и сидит та старуха, с бельмом которая. Пшик, пшик — и готово... Гони монету! Понятно?

— Понятно. Только дяде Митрию-то что от этого?

— Что... Как что?.. Ему ничего. Подойдет, потрогает крантик—течет, дескать, и на целый день гулять закатится.

Мотька хочет еще хорошенько расспросить Федьку. А тот уж сорвался с места и бежит мимо палаток:

— Исть иррисс по копейке! Исть иррисс!..

Но Федька не совсем ушел. Он через минуту возвращается опять, считает на ходу грязным пальцем, сколько товару у него осталось, а потом кричит Мотьке:

— А ты знаешь? Васька Мокрястый ежа купил. За десять гнезд. Елка с палкой! Живой еж-то... большущий... шипит. Видал я, в чулане живет. Шипит—страсть. Как самовар!

Мотьке конечно интересно узнать про ежа. Только, почему же тетка Марья хочет солить капусту в водовозной бочке?

— Как же теперь дядя Митрий будет возить воду без бочки?—спрашивает Мотька.

— Вот, елки... опять не понятно,—Федька, рассердившись, схватывает Мотьку за плечи и визжит над самым его ухом:

— Да, не будет он больше ездить за водой... Кому нужна вода. Теперь в любом месте вода... Поверни крантик—и польется. Во-до-про-вод! Понял?

— Вода, значит, из крантиков-то льется?

— А то чего же?!

Теперь наконец Мотька понял, в чем дело. Он ведь видел, как клали землекопы в канавы широкие трубы.

— Во-до-про-вод... А жалко дядю Митрия, Федок... А?

— Чего желать. Захочет—найдет дело. Зато удобство... Пожар если. Бывало—гори хоть вся улица и воды нет, а теперь крантики... Раз, два—и готово. Сразу потушат.

Федька потом начинает рассказывать опять про ежа. Но Мотька не слушает.

6. МАЛЯРЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЗА РАБОТУ

Быстро вертится карусель, но еще быстрее идут дни. Мотьке кажется, что он на карусели давно-давно.

Теперь под конец дела на ярмарке идут тихо. Все чаще и чаще берется хозяин за свою скрипку и играет на ней даже днем. А хозяйка злится. Но дело не в скрипке, а в том, что ее кошель стал заметно тоньше и даже к вечеру не звенит прежним довольством. Совсем мало народу приходит теперь на карусель.

Мотька наверно давно бы ушел к себе домой. Только, что он будет делать дома? Маманька и та почти не бывает теперь дома. С тех пор, как ушел Мишка, она ходит по людям. В прошлый раз она была у Доронихи; там готовились к свадьбе и шили приданое. Маманька тоже день и ночь шила невесте всякие уборы. Потом она помогала копать грядки у Сапожкова, Якова Иваныча. А теперь в слободе у вдовы будет несколько дней нянчиться с ребятами и домовничать.

Совсем нечего делать Мотьке дома. Даже дядю Митрия больше не встретишь. Федька не соврал. На углу появилась новая бревенчатая будка, и по утрам около нее гремят бабы ведрами. Они иногда вспоминают веселые шутки водовоза, потому что старуха с бельмом, которая отпускает воду, совсем не знает их. Она словно баба-яга какая—засела в будке и до вечера, пока не запрут воду, не показывается оттуда. Только рука ее сморщенная и желтая просовывается через окошечко и ловит билетики.

Дяде Митрию нечем больше потешать баб у колодца

И веселых маляров не слышно больше. Закрыты окошечки размалеванного домика. Тихо там. Только разве кривоногий портной выйдет когда к воротам поворчать и прикинуть в сотый раз, во сколько обойдется ему окраска дома под один цвет.

Скверная история приключилась с малярами. Мотька бы совсем не стал о них вспоминать. А тут как нарочно хозяйка заставила его подновить коней и лодочки свежей краской. Все равно, карусель будут разбирать и отправлять завтра. Зачем же терять время?

Хозяин на все согласен. Только бы не ругалась жена. Хотя может быть ему не совсем охота прятать скрипку и брать в руки кисть. А Мотька так с удовольствием раскрасит сейчас этого чумазого коня. Эх, если бы было у хозяйки столько же красок, как у маляров!

— А ты знаешь? Маляров выпустили! Выпустили маляров!—кричит вдруг появившийся Федька.

Он вскакивает в колясочку, которую протирает хозяйка, и, не обращая на нее внимания, прыгает и скачет, как воробей.

— Да, выпустили. Совсем... Маляры уж опять у портного... Оба вместе... А портной и говорит: „Вот,—говорит,—елка с палкой! Рад,—говорит,—я вам, ребята. Теперь,—говорит,—дело в шляпе и домишко нужно окрасить по всем швам“. А маляры ему: „Мы, говорят, постараемся, потому рука зудит без работы. Скучно без работы“. Да. А я иду мимо. А они кисти в керосине размачивают. Кричат мне: „Федька,—говорят,—приходи помогать, бросай торговлю. Без тебя,— говорят,— нам не обойтись... Елка с палкой“. Я говорю: „Смеетесь может?“. А они: „Смех одно, а дело другое. Подрядов,—говорят,—теперича много накопилось“... А я рад, елка с палкой! Фиг ли ириски?

Федька от радости прямо не знает что делать. Он орет, как сумасшедший, размахивает руками и колотит коробкой по своей голове и животу.

— Федька, эй!—успевает только крикнуть Мотька. А Федька уже далеко. Он бежит по площади изо всех сил и ловко прыгает через кучи сора и досок.

— Жулики, что ли какие?—спрашивает хозяйка. Она ничего не поняла из Федькиного рассказа.

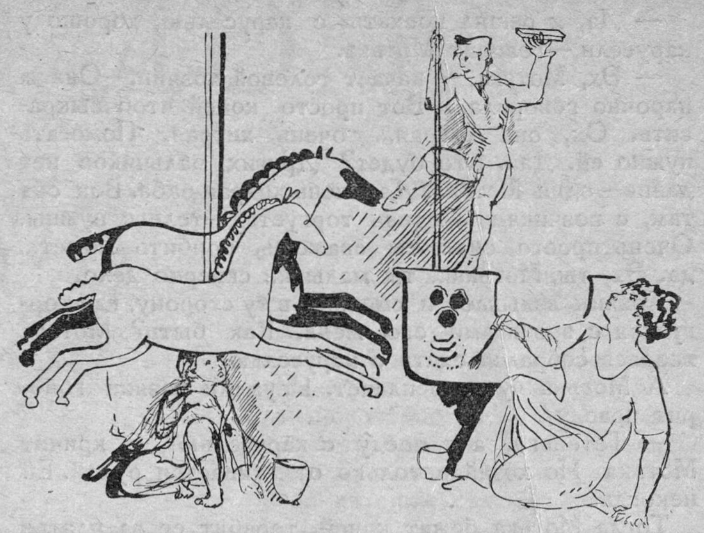
— Нет. Маляров выпустили из тюрьмы. Они живут у портного. Сначала они все катались на карусели вместе. Потом девица ввязалась к ним и испортила все дело... Поругались маляры и раз'ехались.

— Хорошо, что не жулики,— успокаивается хозяйка.—А чего это их в тюрьму посадили?

— Так вот... Они ухаживали за девушкой, и еще один парень тоже катался с ней на карусели. Только недолго он катался... Маляр возьми его да и стукни. Стукнул маляр, а который из двух—неизвестно, сразу не поймали. Тогда взяли обоих маляров и в тюрьму посадили. А в тюрьме не то, что на карусели; сидели, сидели они, а потом взяли да и помирились опять. Во, как!

Мотьке совсем не хочется разговаривать с хозяйкой. Она зевает так страшно, как будто подавилась чем; даже кожаный ремень от сумки трещит на ее плечах.

Мотька бы сейчас не прочь бежать вслед за Федькой туда, к малярам. Только, как же теперь быть? Ведь пожалуй маляры не примут его в свою компанию. Да кроме того Мотька уж решил уехать вместе с каруселью. Сама хозяйка согласилась. Она вчера сказала: „Не уходи, Мотька, с карусели, а то не возьмем с собой“.

Мотька готов выкрасить не только коней и лодочки, но и всю карусель

А может все-таки лучше попробовать стать маляром? Вон Федька не хочет даже торговать ирисками. Только, кто их знает, этих маляров, может быть и прогадал Федька. Ведь был же вот веселый водовоз, и нет водовоза... А карусель, красивая, блестящая карусель будет крутиться долго-долго, и где крутится она, там всегда праздник.

...Снова раскинут продавцы около нее свои яркие материи, вырастут опять балаганы с веселыми петрушками, вафлями, зверями, кеглями. Снова будет шуметь и толкаться на площади многолюдная толпа и горластым стадом мелькать среди золотых шаров и серебряных змеек... И так, без конца

Нет, Мотька не расстанется с каруселью. Он готов выкрасить не только коней и лодочки, но и хозяйку под один цвет с ними. Лишь бы взяла она его с собой. От нее все зависит.

А хозяин все молчит. И о чем только думает он? Ведь вот опять перепутал краски. У коней красными должны быть одни губы, а он мажет красным всю голову и грудь.

Сейчас жена снова начнет ругать его.

7. КОНЕЦ КАРУСЕЛИ

Скучно стало на площади. Многие палатки уже уехали, и после них остались солома и мусор. Некоторые еще не успели продать досок, и они лежат грудами тут и там.

Балаганщик тоже собирается. На последнее представление в его театр пришло всего несколько человек. Еще не кончилась программа, а уж хозяин распоряжается, чтобы ломали балаган. Он вышел на верхнюю площадку, откуда петрушки зазывали народ, и кричит:

— Давай, ребята! Снимай вывески! Представление кончается.

Вот и карусель пора бы отправлять, а хозяин не торопится. Может быть Мотька успеет сбегать к маманьке проститься? Ведь она не знает, что ее маленький Мотька уезжает с каруселью.

— Я пойду, забегу к маманьке,—говорит Мотька,— я успею прибежать, пока карусель разбирают.

— Ух, ты так хочешь... куда?.. Ехать с нами?— хозяин откладывает в сторону скрипку, на которой все утро устраивал новые струны, и смотрит на Мотьку.

Чудак хозяин! Он даже не знает, что Мотька давно сговорился ехать с каруселью.

— Да, я решил поехать с каруселью, хорошо у карусели,—говорит Мотька.

— Эх, Мотька, — качает головой хозяин.—Она ж нарочно говорила... Вот просто коней чтоб выкрасить. Ох, она хитрая... очень хитрая. Помогать нужно ей. Да... Кто будет? Других мальчиков нет давно—один Мотька. Да, очень хитрая баба. Вон она там, с возчиками... очень торгуется—телеги нужны. Очень просто, она... ты скажешь, прибить может... да. Эх, ты, Мотька... ты малыш... скверно дело.

Хозяин вздыхает и смотрит в ту сторону, где торгуется с возчиками его жена. Как быть? Мотька всерьез собрался ехать с каруселью.

А Мотька чуть не плачет. Неужели хозяин говорит правду?

— Тетенька, а я поеду с каруселью? — кричит Мотька. Но хозяйка только отмахивается рукой. Ей некогда.

Тогда Мотька бежит к ней, теребит ее за платье и стонет:

— Тетенька, а я как же? Как же я,—поеду с каруселью?.

Хозяйка вспотела, торгуясь с возчиками. Они заломили цену и не хотят уступать, а хозяйка не хочет переплачивать.

— Нет. Три—хорошая цена... Как хотите,—говорить она. Потом оборачивается к Мотьке и кричит, сердито вытаращив глаза:

— Куда лезешь, бездомный щенок? Убирайся прочь, пока не отдула.

Мотька ждет, что хозяйка скажет еще что-нибудь. А та уж забыла про него и опять торгуется с мужиками.

Эх, мать честная! Обманули Мотьку. Что ж ему теперь делать? И водовозом нельзя быть, и к малярам опоздал, и карусель уезжает без него.

Мотька садится на землю и ревет.

Кому какое дело, что мальчишка плачет. У всех свои заботы. Только хозяин слышит Мотьку. Он подходит к нему, сажает у барабана и говорит:

— Мотька, смотри! Не надо очень плакать. Зачем? Что ты хочешь у карусели, а?.. Ты, глупый малыш... жалко тебе золотые шары? Да?.. Очень жалко? Ха, это пустяки... Вот...—хозяин торопливо проходит с лестницей и снимает их.

— Шары... куда они... дрянь шары. Ну жалко тебе, Мотька, такие стеклянные шары? Ты смотри — очень дрянь шары... трещинки и краска. Где краска, а где нет краски... очень с пятнами шары. Ты очень малыш, Мотька. Чего ты понимаешь? Чего тебе хорошо у карусели? Смотри на карусель... Она похожа на что-нибудь?.. Да, старый башмак.. и очень мыши с'ели такой башмак...

Мотька забывает плакать. Он слушает хозяина и удивляется. Хозяин ведь не только говорит, он бегает, суетится, как может быть никогда в жизни. Он срывает ковры, бахрому, шары, бусы и небрежно сваливает все в одну кучу; как будто очень важно ему показать поскорей всю нищету своей карусели и утешить этим маленького Мотьку.

Наконец приезжают и возчики. Они не спеша снимают коней, лодочки, растаскивают бревна и крышу. Вот уж и не осталось почти ничего от карусели, только один столб остается еще стоять среди всякого хлама, но потом и его вытаскивают.

Мотька притих совсем. Его теперь не видно за кучей бревен и досок. Но хозяин знает, где Мотька. Он опять подходит к нему, нежно гладит его по голове и говорит:

— Ну, Мотька, понимаешь все такое... Была карусель и нет никакой карусели. Зачем ты плакал? Малыш ты, очень малыш. Не стоит плакать... очень дрянь... смотри какая дрянь... и тут, и там, и везде, и везде.

— Ты думал, ха, карусель... хорошо у карусели, праздник всякий день и народ туда-сюда... весело. Э, нет, Мотька... Очень не так. Когда на карусели праздник? Никогда праздника, очень скверно... Все будни, все будни...

Мотька сидит долго-долго. Пока не собрали в ящики до последней доски. Потом возчики кладут все на телеги

Трогаются возы Поехали... Хозяин идет позади. Он опустил голову и в руках у него только футляр со старой скрипкой.

— Прощай, Мотька!—кричит он в последний раз и грустно улыбается.

Вот и скрылись возы за поворотом Ничего больше не осталось от блестящей карусели—одна черная глубокая яма посредине площади. Но Мотьке что-то теперь не жалко карусели Шут с ней! Только хозяина жалко—он такой добрый и такой невеселый.

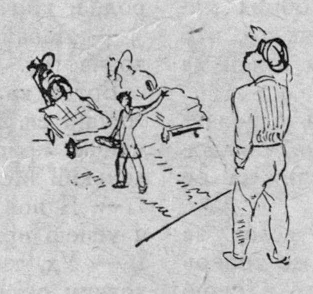
Мотька бежит домой. Надо скорей. Может маляры не успели еще докрасить портновскую хату? Мотька тогда поможет им. Ведь он здорово научился красить у карусели Он еще и Федьку поучит, как обращаться с красками.

Вот и будка новая, вот и зеленая уличка.

Чу... Маляры кричат, да как весело:

— „Эх, калина-малина! Не целое—так половина“...

— А ну, начинай, ребята! Сегодня вечерком портной на радостях выкинет коленце под балалаечку.

У СЕБЯ ДОМА

М. ЗАРИНА

КАК ОТЛИЧИТЬ ПЛОХУЮ КОЛБАСУ ОТ ХОРОШЕЙ

Доброкачественность колбасы зависит от качества и количества мяса и жира, входящих в состав, и от чистоты при ее изготовлении. Наружный вид дешевой, непитательной колбасы мало отличается от первосортной, если она свежа. В государственных и кооперативных магазинах колбаса расценивается, сообразуясь с ее качеством, но на базарах, лотках и лавочках ее продают без разбора, и очень часто покупатель, платя высокую цену, получает плохую колбасу.

Чтобы легче было сбыть испорченную колбасу, продавцы подкрашивают ее фуксином, отчего она получает красивый вид свежей колбасы.

Узнать эту колбасу можно следующим образом: мелко нарезать кусок колбасы и облить хлебным вином—под влиянием фуксина вино окрасится в красный цвет.

При покупке колбасы надо взять себе за правило не покупать дряблой, мягкой колбасы, колбасы с налетом на коже. Нельзя покупать колбасу, у которой кусочки жира имеют зеленоватый или желтый цвет; если колбаса пахнет гнилью, горчит и наконец если колбаса имеет пресный или мыльный вкус.

ВЕТЧИНА

Чтобы высохшей ветчине вернуть ее сочность, надо сделать следующее: отрезав от окорока несколько кусков, их кладут в сырое молоко так, чтобы молоко совершенно покрывало ветчину. Через некоторое время мясо готово к употреблению. Оно становится ярко красным, нежным и теряет свой излишне соленый вкус.

КАК СДЕЛАТЬ КИСТЬ ДЛЯ ПОБЕЛКИ ПЕЧЕЙ

Взять кулек, разобрать его на мочалу. Всю полученную мочалу сложить в ровный пучок, связать веревочкой так, чтобы один конец был длиннее на 3 пальца. Затем всю мочалу длинного конца отвернуть и натянуть на оороткий конец. Сверху пучок завязать веревкой в 2 или 3 местах так, чтобы кисть получилась не больше ладони, и концы кисти ровно подстричь.

ЧЕМ ТУШИТЬ КЕРОСИН

Керосин тушить водой ни в коем случае нельзя. Пламя от этого станет только сильнее. Единственная возможность потушить его — это преградить к нему доступ воздуха чем угодно, совершенно безразлично, чем-нибудь тяжелым, что первое попадется под руку, можно шубой, одеялом, мешком, песком, золой и т. д. Это правило надо твердо помнить, так как правильный прием в таких случаях сможет предотвратить большую беду. Возьмите например частые случаи взрыва примусов, когда не только горят дома, но даже гибнут и люди. На об'ятого пламенем человека надо скорей накинуть что-либо тяжелое. ни в коем случае не поливать его водой.

КАК ВЫВОДИТЬ ЖИРНЫЕ ПЯТНА

Сначала жирное пятно надо намочить бензином, а затем засыпать его порошком белой глины, которую можно приобрести в магазине санитарии и гигиены. Глина эта очень дешева. Через пять минут глину стряхивают и место, где было пятно, засыпанное глиной, чистят щеткой.

ДЕКАБРЬ ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“ № 17

НАША ШКОЛА ИСПРАВИЛАСЬ

Наша школа за 1926/27 учебный год почти совершенно потеряла свой авторитет. В школе ребята хулиганили, ломали школьное имущество, уходили с уроков и т п. Заведующих часто меняли, но дисциплину никто из них не мог в нашей школе установить. Родители, видя это, старались не отдавать своих ребят в нашу школу, боясь, что их ребята испортятся в школе(!).

В этом году, когда были даны об'явления о приеме в школы, в другие школы у нас в Пирятине заявлений было подано много. В Шевченковской школе даже пришлось открыть еще один пятый класс, кроме бывших уже раньше трех пятых классов.

А в нашей Первомайской школе до конца приема, т.-е. до 25 августа, заявлений было подано мало, стали продолжать прием заявлений до 3 сентября, когда в других школах уже начались занятия.

Вот какой плохой славой пользовалась наша школа. Теперь нам прислали нового заведующего, который хорошо взялся за установление дисциплины в нашей школе. И что же мы видим? Дисциплина у нас поправилась, и авторитет нашей школы повысился. Я думаю, что со временем мы уничтожим все недостатки в Первомайской школе и не будем хуже других школ.

Деткор Макс ШАМФАРОВ

г. Пирятин

Легкая кавалерия нужна

По-моему, отряды „легкой кавалерии“ в школе организовать следует. Только не при форпостах, как говорит Лучанский („Товарищ“ № 1), а лучше при редколлегиях стенгазет. Тогда отряд „легкой кавалерии“ сможет заняться и выяснением заметок, помещенных в стенгазе, а также и исправлением недостатков, указанных в них.

С. НЕСТЕРОВИЧ

г. Челябинск

Курить перестали

В нашей школе, как и в других школах, многие ребята курили. Очень злостным курильщикам были не раз замечания и от вожатого, и от зав. школой, и от совета вожатых. Но все-таки курить ребята не переставали. Прошлый год один даже перестал ходить на звеньевые сборы только потому, что и в звене и в отряде ему часто делали замечания. В нынешнем году другому пионеру стали делать замечания—перестал курить. Как, ребята, вы думаете, ведь так могут все перестать?

Тогда вожатый нам об'яснил, что у нас организуется „легкая кавалерия“, задачи которой: помощь санитарной комиссии и борьба с хулиганством. Ребятам эта кавалерия понравилась, и почти все курящие записались. В тот же день пять человек, считавшиеся „самостоятельными“ курильщиками, приготовленный ими на понедельник табак (кооперация у нас в понедельник не торгует, а больше купить негде) сожгли в голландке. И ребята „курильщики“ обещали, что больше курить не будут.

Ребята! Если в ваших отрядах нет легкой кавалерии, то мой совет организуйте ее!

Деткор ИНЖЕХАТОВ

ЧАЙ

Школа им. Цвиллинга

Комитет содействия родителей при нашей школе организовал для всех учащихся чай. Но в скором времени мы будем пить кофе с молоком. Стоит это каждому ученику 50 к. Те ребята, которые внести не могут, освобождаются. Пить будем все. Кооператив продает сайки, которыми ребята закусывают. Дежурят за разливкой чая по очереди все звенья 2-го концентра.

НЕСТЕРОВИЧ

г. Челябинск

НАШ ШКОЛКООП

Школьный кооператив организовался у нас давно. Товар в нем состоял из трех ирисок и одного карандаша. Работой его никто не интересовался. Во время перемены к нему никто не подходил, а если и подходили, то это для того, чтобы посмеяться.

— У вас автомобили есть? Так завер ите мне $^2/_4$ автомобиля и полфунта велосипеда,— такие глупые слова слышались довольно часто.

Так велась торговля в прошлом, позапрошлом годах. В этом году иначе. Правление кооператива решило какими бы то ни было средствами поднять авторитет кооператива. Правление для опыта решило приобрести необходимые ученикам вещи. И что же мы видим? Авторитет кооператива поднялся. Правда в нем теперь есть все: от ирисок до „Истории литературы“ Когана. Иногда бывали случаи, что в местном магазине „Губторгторга“ не было учебников, а в нашем „Коопе“ были.

Интересно, что в этом году около дверей нашей школы нет „подозрительных“ старушек с крендельками и т. д. Ученики довольны, а больше всех рады правленцы, видя огромную толпу учащихся у прилавка.

Деткор ИЛЬЯ МЫШАЛОВ

ТЕЛЕГРАММЫ

МОСКВА, ЖУРНАЛ „ПИОНЕР“, БУМЕРАНГ

Учащиеся школы-девятилетки им. Цвиллинга подписались на втором заем индустриализации на 550 рублей.

С. НЕСТЕРОВИЧ

г. Челябинск

В гор. Касимове, Рязанской губ., в шк.-семилетке 6-я группа „В“ подписалась на заем индустриализации на 15 руб. Мы обсудили, какую пользу можем принести государству.

Ученик-пионер СИГЛЕЕВ Ив.

Ученики села Ад-Гая школы II ступени подписались на двадцатипятирублевую облигацию второго займа. Школа крестьянской молодежи дала пример другим школам Ал-Гая.

ВАСИЛИЙ ЗЕЛЕНУХИН

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ „ПИОНЕР“?

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Я предлагаю сделать в журнале „Пионер“ вдвое меньше страниц, но выпускать его еженедельно. Тогда мы будем читать свежие новости.

Вместо длинных рассказов нужно помещать рассказы начинающих писателей или деткоров.

Если еженедельно выпускать нельзя, то я предлагаю все-таки уменьшить журнал, чтобы подписная плата была 15 копеек, так как не у каждого школьника есть 3 рубля в год.

Если мое предложение будет принято, то я подпишусь на „Пионер“ на год. Думаю, что много еще ребят, не выписывавших до сих пор журнала, последуют моему примеру.

МАКАР СНОПОВ

с. Александров Гай

„МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ“

Деткор Боря Громов пишет в № 15 „Пионера“, что надо переменить название журнала. По-моему менять названия не надо, так как оно и так хорошее.

Я думаю, что вместо того, чтобы делать много отделов, как юный техник, юный электрик, юный фотограф и т. д.— нужно сделать один общий отдел „Мастер на все руки“

Викторины не надо, потому что СНИП очень интересная игра.

Надо побольше рассказов, повестей и очерков.

Также надо увеличить отдел „Отгадай“.

Г. СТАБРИКОВА

г. Никольск

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

В конце прошлого учебного года мы накопали грядки около школы и посадили овощи. Летом по очереди ходили поливать и полоть грядки.

Осенью овощи выросли. Когда мы собрали наш урожай, то вывесили об'явление, что в школе продаются овощи. Собранные деньги предполагаем использовать на книги.

На выставке овощей мы получили премию в 15 рублей, которые думаем использовать на покупку семян и удобрений для будущего года.

Ученик Гарской школы-семилетки

Г. АТЛАЦ

ПЕСНЯ СТОЛЯРА

Спозаранок
Воздух свежий...
. . . .
Мой рубанок
Стружки режет.

Три!.. Четыре!..
Размах шире
С громкой песней.
Что есть в мире
Интересней?

Тихий ветер,
Запах клея,
Что на свете
Есть милее?

Я работать
Люблю очень,
И до пота
Что есть мочи
Тес сосновый
Я пилю пилою новой.

Н. БЕЛОВ

г. Петровск

СЛУЧАЙ С ЗАЙЦЕМ

Два мотоциклиста одновременно выехали из двух городов, находящихся в 300 километрах друг от друга. Ехали они со скоростью 40 километров в час. Один мотоциклист, когда тронулся вспугнул лежавшего в кустах зайца. Заяц бросился вперед по дороге. Оттого, что фыркающее чудовище не отставало, заяц удвоил свои силы и помчался в два раза быстрее, чем мотоцикл. Вскоре он наткнулся на встречный мотоцикл. Испугавшись еще больше, заяц повернул обратно. Потом опять обратно. Потом опять. И наконец в изнеможении упал у колес встретившихся мотоциклов. Сколько же километров пробежал несчастный заяц.

Б. Окунев

ОБ'ЯВЛЕНИЯ

Найдены засоренные колодцы в селе Алекс.-Гае. Население заболевает от грязной воды. Сельсовет и пионерский отряд не обращают на эти события никакого внимания.

Утеряно товарищеское отношение к неорганизованным. Нашедших просят возвратить пионерам Каменки, Ив.-Вознесенской губернии.

Ищу девочек, у которых пионеры местечка Каменки Ив.-Вознесенской губ. оторвали косы. Косы эти найдены и я желаю их вернуть.

Продолжается конкурс на лучшую заметку о школьной жизни и работе. 10 деткоров, написавших лучшие заметки, в которых будут освещены вопросы учобы, общественной работы, деятельности форпоста и самоуправления, дружбы и коллективизма среди ребят, взаимоотношения учеников и учителей и др., получат по библиотеке или журнал „Пионер“ на год.

А НЕ ЗАБЫЛ ЛИ ТЫ ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «П И О Н Е Р» НА 1929 ГОД?

Фельетон Л. КАССИЛЬ
Рис. худ. И. КОНЕВСКОГО

СНИМИТЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ!

В истории существует много легенд и рассказов о шляпах, шапках и других головных уборах. Например шапка Мономаха, про которую известно главным образом, что она была тяжелой. Люди, одевавшие эту шапку, назывались царями или монархами. И в старое время на уроках истории ребята, путая, называли ее „шапкой Мономарха". Цари носили эту тяжелую золотую шапку и все говорили: „Тяжела ты, шапка Мономаха!" Но снимать ее тем не менее сами не хотели. Пришлось уж это сделать рабочим и крестьянам. Они сняли корону с головы царя.

Есть еще такая „историческая" шляпа. Принадлежала она одному из швейцарских правителей. Чтоб проверить, как относятся к нему его подданные, чтоб совсем унизить их и подчинить, правитель повесил в городе на площади свою шляпу и велел всем проходящим мимо гражданам снимать перед ней свои шляпы. Легендарный освободитель Швейцарии, храбрый и меткий стрелок Вильгельм Телль не захотел унижаться перед шляпой и... что произошло дальше, всем вам конечно известно.

А была еще и вот какая шляпа—„шляпа земли греческой". В русских сказках-былинах говорится, что весила она много-много пудов (тогда еще слово килограмм не знали). Еще тяжелее шапки Мономаха была. И вот богатырь Добрыня Никитич кажется прикинулся каликой-перехожим, одел многопудовую шляпу земли греческой, ходил - ходил и пришел наконец на юг, к султану. Не понравился ли Добрыне Никитичу султан,—не знаю. Только рассердился он и начал султана ругать. Тот возьми, да обидься. Как запустит ножом в Добрыню! А Добрыня снял шляпу свою тяжелую, греческую, да как махнет ею! Отбил нож. Нож отлетел прямо в дверь. Дверь слетела с петель и перебила всех султановых слуг, которые смотрели наверное в замочную скважину. Вот какая шляпища была!

Но все это было давным-давно. Большей частью это просто выдумки, сказки. Время сняло со многих голов шляпы и короны, и часто шляпа слетала с головой. Теперь шляпы, шапки, кепки, картузы, тюбетейки, малахаи, шлемы, папахи, фуражки—совсем обыкновенные, удобные, не исторические. Никто с ними не считается. Так во всех клубах просто и пишут:

„Головные уборы просьба снимать".

ВЫБОР ШЛЯП

Шляпа и шляпа. Стоит ли вообще об этом говорить?.. Стоит! Оказывается есть и сейчас страна, где шляпы могут влиять на жизнь целого государства. Есть еще страна, где шляпы делают политику. Это—Северо-американские соединенные штаты. Шляпа президента играет в тамошней политике немаловажную роль. Сейчас например в Соединенных штатах Америки переизбрали президента. На пост президента, на высший пост в государстве, каждая партия выставляет своего кандидата. Кандидаты в президенты ездят по стране и выступают на митингах. Один из таких кандидатов, один из людей, метящих получить место президента, выступал однажды на таком митинге избирателей. Он долго и упорно убеждал слушателей, что лучше него им президента не найти: и добрый он дескать и умный, и всякое-такое, и в церковь ходит, и большевиков не любит, и бог его любит. Одна дряхлая и визгливая старушонка так растрогалась, что полезла сквозь толпу к самой трибуне, чтоб пожать руку будущему „первому гражданину Соединенных штатов". Но давка была так велика, что старушонке только помяли бока, отдавили все любимые мозоли, а приложиться к будущей президентской руке не дали. Но демократический кандидат в американские президенты увидел старушонку. Он протянул ей руку со шляпой. Старушонка умудрилась дотянуться. Она ухватилась за край шляпы и крепко пожала его.

Тогда кандидат прослезился и сказал:

— Возьмите эту шляпу, прекрасная и мужественная гражданка. Я дарю вам ее на память. Я так тронут... Она стоит 5 долларов и 6 центов...

И кандидат хотел прослезиться еще раз... Но ничего не вышло.

С тех пор кандидат каждый раз, выступая на митинге, дарит присутствующим шляпы. Он приезжает на митинг с целым обозом грузовиков, нагруженных шляпами. Сначала он рекомендует себя в президенты, потом начинает раздавать шляпы. Оптом и в розницу. При этом он высчитывает в уме:

— Три тысячи шляп по... Цена со скидкой. Восемь пишем, два в уме... Так. Ну, ничего, миленькие, вы только выберите меня, а я уж там за эти шляпы последние рубашки с вас сдеру. Я свое обратно получу. Только голоса подавайте за меня!

Теперь он научился пускать слезу в совершенстве. И десятки кино-с'емщиков накручивают картины со слезой кандидата и его шляпами.

— Я вас шляпами закидаю!—кричит он другому кандидату.

Шляпы... Шляпы... Шляпы... Шляпы...

Когда нам надо купить шляпу, мы идем в магазин и там выбираем себе подходящую. В Америке же шляпы выбирают президента.

У нас нищие протягивают шляпу и тянут:

— Подайте копеечку бывшему монаху...

В Америке люди, лезущие в президентство, протягивают сразу тысячи шляп и клянчат:

— Подайте голоса будущему президенту...

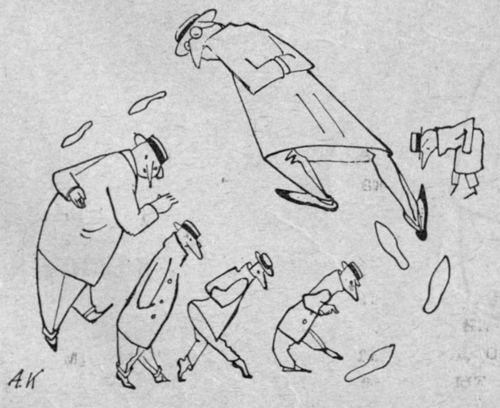
ШЛЯПА ПРЕЗИДЕНТА КУЛЛИДЖА

Сейчас в Соединенных штатах дожил свои последние президентские дни мистер Куллидж, бывший президент Америки. Шляп у Куллиджа вероятно много. Но я расскажу вам только о той, которая однажды взбудоражила всю Америку. Об этой интересной истории я прочел недавно в одной американской газете. В газете была напечатана крупными жирными буквами экстренная телеграмма:

«КУЛЛИДЖ В СОЛОМЕННОЙ ШЛЯПЕ

Вчера, за 4 (четыре) дня до начала сезона соломенных шляп, президент Куллидж вышел на прогулку в соломенной шляпе (!!!). Цвет ленты его шляпы вопреки моде—черный!»

— Батюшки,—завопили американские чиновники, торговцы, маклеры и фермеры, привыкшие одевать шляпы строго по сезону, — за четыре дня до начала сезона! Да еще с черной лентой! Что творится на белом свете и в Белом доме![1] О, дядя Сам, о, статуя Свободы! О, янки дудль!..

Так все следили друг за другом

Возьмите эту шляпу

А дело происходило таким образом.

Ночь была черна, как несгораемый шкаф. Но утром солнце взломало этот шкаф.

Небо над Вашингтоном было без облачка. Солнце поднялось над Вашингтоном и залило небоскребы, банки, улицы города горячей золотой лавой своих лучей. Стало жарко. Невыносимо жарко. Но люди потели под плотными шляпами и не решались одеть летние, соломенные.

Известно, что *белый* цвет отражает все лучи. Но в этот день было так жарко, что в *Белом доме*, где жил президент Куллидж, вскоре тоже стало нечем дышать. Куллидж решил пройтись за городом, проветриться на свежем воздухе. О толстой сезонной шляпе он и думать не мог. Но, посмотрев на календарь, он убедился, что до летнего сезона еще осталось четыре дня. Четыре жарких дня!

„Тяжела ты, шляпа президента!“—подумал Куллидж.

Ртуть в термометре лезла все выше и выше, словно все Цельсии Реомюры и Фаренгейты составили заговор против американского президента. И вспотевший президент наконец решился.

— Послушайте, милый... Достаньте мне мою соломенную шляпу,—приказал он завхозу Белого дома.

— Осмелюсь доложить, мистер президент,—возразил завхоз,—так что сезон еще через четыре дня. Вроде как неудобно-с!

— Годдам! Чорт возьми! Кто из нас президент? Я или вы?

Через пять минут Куллидж в соломенной шляпе, распространяя запах нафталина, выходил к ожидавшему его автомобилю „Линкольн“. На шляпе была черная лента, так как цветную из'ела моль, и пришлось нацепить первую попавшуюся под руки.

Перед Белым домом стояли обычные наблюдатели. За каждым шагом президента следили репортеры газет. За каждым шагом представителей „свободной американской прессы“ следили шпионы. За каждым шагом шпионов следил начальник главной сыскной полиции. За каждым шагом начальника полиции следил сам президент. Так все следили друг за другом.

[1] Американский президент живет в Белом доме, в г. Вашингтоне.

Репортеры, увидев на президенте соломенную шляпу за четыре дня до начала сезона, да еще с черной лентой, как по команде вынули блокноты—раз! два!—что-то черкнули там карандашом и—три!—бросились наперегонки к телеграфу. Каждый хотел сообщить первым.

Репортер одной газеты обладал ногами более длинными, чем у других репортеров. Он обогнал соперников, вскочил на подножку автобуса, спрыгнул с нее, удрал от полисмена, сшиб с ног какого-то почтенного гражданина, забежал в шляпный магазин, купил соломенную шляпу, на ходу напялил ее и, запыхавшийся, прибежал на телеграф. Он дал в Нью-Йорк срочную телеграмму о соломенной шляпе президента—ту самую телеграмму, которую мы с вами прочли в американской газете. А когда телеграмма была отправлена и на телеграф прибежали другие репортеры, наш репортер, указывая на свою новую шляпу, закричал, обращаясь к телеграфистам:

— Сезонсоломшляп уже начался. Президент ходит в соломшляпе. Что вы мучаете себя, потея в зимних шляпах! Скорее покупайте соломенные. Только спешите! Спешите! Иначе вы не застанете в магазинах ни одной шляпы!

Телеграфисты вскочили и помчались в шляпные магазины. А другие репортеры остались в дураках перед пустыми окошечками. Так как все сразу захотели иметь соломенные шляпы, то у магазинов образовались хвосты. И репортерам пришлось ждать у пустых окошечек около часу. А телеграмма нашего репортера пришла в Нью-Йорк первой. По улицам Нью-Йорка забегали мальчишки газетчики.

— Экстренный выпуск! Президент в соломенной шляпе!.. За четыре дня до начала сезона!.. Черная лента!..

Газеты продавались нарасхват. Потом выросли хвосты у шляпных магазинов. Ателье мод выпустило новый фасон дамских шляп—а-ля Куллидж—с черной лентой. Громкоговорители орали:

— Соломенные шляпы! Только у нас! Дешево! Красиво! 7-е авеню, 20.

В театрах немедленно вывесили афиши пьесы „Соломенная шляпка". Всюду распевались новая песенка:

У Вилли и Тома
Шляпа из соломы,
С черной лентой,
Как у президента!

Чарли Чаплин сменил свой неизменный котелок на соломенную шляпу. Американские бой-скауты вместо бурских шляп одели соломенные шляпы. Ку-клукс-клан, организация американских фашистов, считая, что черная лента на шляпе—знак президентского внимания и уважения к фашистам, устроили грандиозное празднество. Во время празднества избили, как полагается в „свободной Америке", несколько десятков негров. А в одном южном штате у одного рабочего-негра развеселившиеся фашисты вырезали со спины „аерную ленту" из его кожи...

А у магазинов уже не стояли очереди. Так как сезон ожидался только через четыре дня, то фабриканты не успели еще приготовить нужное количество шляп. Чтобы успеть теперь, они заставили рабочих работать еще больше, чем они работали прежде. Рабочие забастовали. Кроме того нехватало соломы. Начался соломенный голод, грозил разразиться экономический кризис, который уже назывался „кризис шляпы". И на запрос в сенате: „в чем дело?" Куллидж ответил:

— Дело в шляпе.

ШЛЯПА, О КОТОРОЙ ЗАБЫВАЮТ

Все это конечно очень странно нам слышать. Ну, подумаешь, какая ужасная история: одел президент шляпу не по сезону! Скажите, пожалуйста! У нас в газетах пишут о Днепрострое, об индустриализации, о борьбе с неграмотностью, о всяких других важных и интересных вещах. А насчет шляп у нас знают: важна не шляпа, а голова, на которой надета шляпа. И в наших газетах никогда конечно мы не прочтем о том, какую шляпу носит тов. Рыков или тов. Калинин.

Вспоминается при этом такой случай. На одной выставке картин советских художников я вел экскурсию рабочих-металлистов. Народа кругом—тьма! Рабочие, красноармейцы, пионеры, дипломаты иностранные, художники и т. д. Подвожу я свою экскурсию к одной картине, а перед ней стоит и рассматривает какой-то старичок в шляпе и загораживает нам картину. Я взял его за плечо и говорю:

— Гражданин, или снимите шляпу или отойдите в сторонку: вы загораживаете картину!

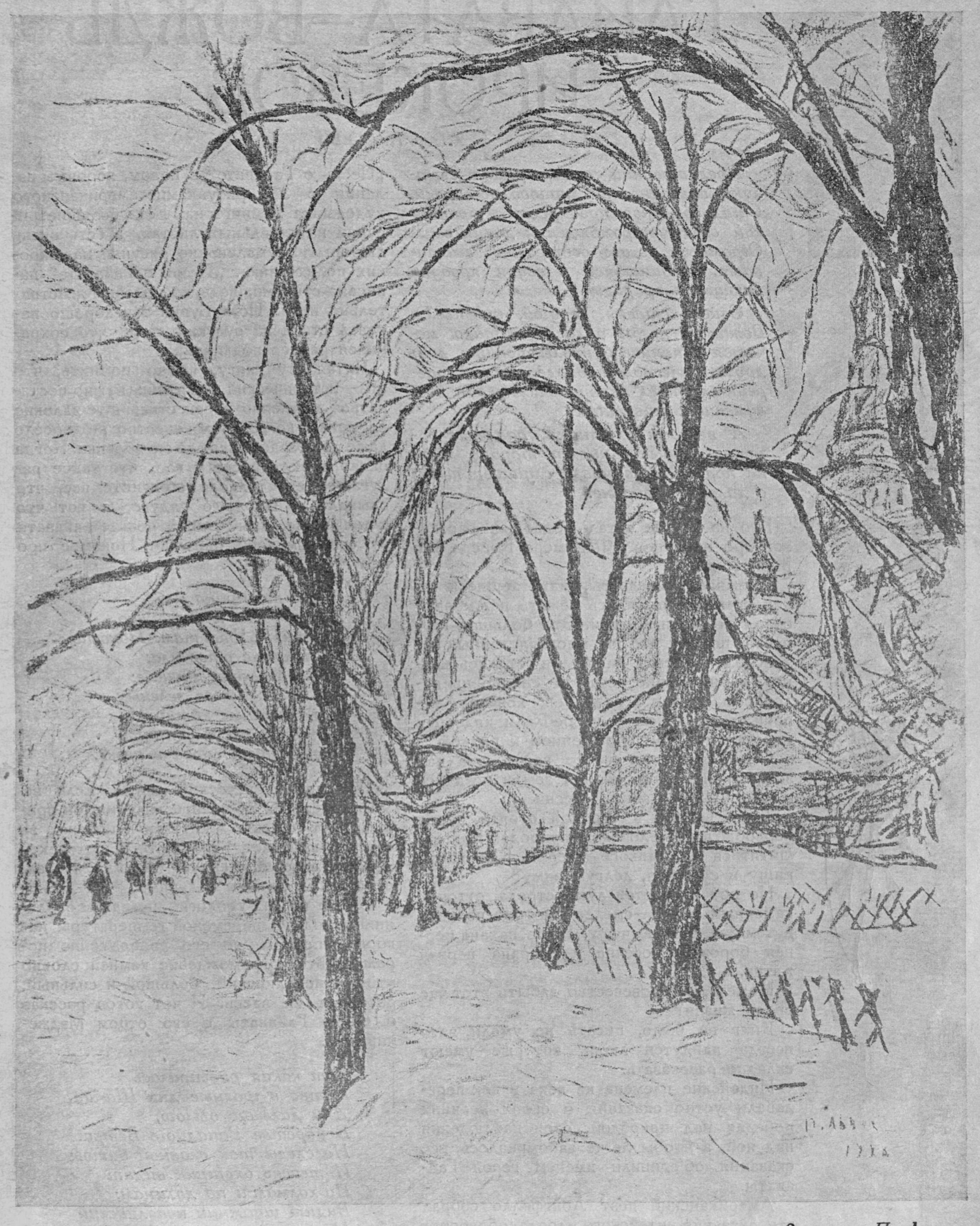
Старичок извинился вежливо, отошел. Смотрит он сквозь очки и улыбается. Глянул я на него... Батюшки! Да это Калинин, Михаил Иванович, всесоюзный староста!

Растерялся я так, что даже посмотреть забыл, какая же у Калинина шляпа. По сезону или нет?

А старый рабочий из моей экскурсии хлопнул меня по плечу, засмеялся и говорит:

— Как же это ты, парень, Калиныча-то не признал? Эх, ты, шляпа!..

ЗИМА В МОСКВЕ *Рис. худ. П. Львова*

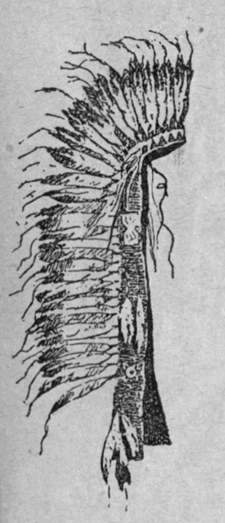
ГАЙАВАТА—ВОЖДЬ ИРОКЕЗОВ

А. АФАНАСЬЕВА

Предутренний ветер рябит светлую поверхность многоводной реки. Стадо бизонов пробирается тропинкой среди нагромождения диких скал. Огромный вожак осторожно выступает, вслушиваясь в звуки пробуждающейся природы.

Свист стрелы, другой, третьей... Вожак с ревом падает. Стадо мечется в панике, буйволы топчут друг друга в тесном проходе. Свист оперенных стрел заглушается ревом обезумевших животных.

А вечером охотники, разделив богатую добычу, курят трубку мира на порогах вигвамов и слушают песни о далекой старине.

Кто из вас не читал подобных рассказов про индейцев у Фенимора Купера или Майн-Рида.

Прежние гимназисты, начитавшиеся таких романов, пытались бежать в Америку сражаться с индейцами. Это большая глупость, потому что от многочисленных индейских племен в наши дни остались жалкие, вымирающие остатки: европейцы-колонисты отняли у индейцев, хозяев Америки, лучшие земли, истребляли индейцев мечом, жестоким обращением и водкой.

О золотой поре своего господства над землями и водами родной земли остались у индейцев сказания и песни.

Таинственной и суровой стояла перед первобытным человеком природа. Как защититься от дикого зверя? Как найти пищу в суровую, долгую зиму?

Но вот изобретен лук и стрела, отточен каменный топор—смелее смотрит человек в темную лесную чащу. Вот вспахана первая борозда, посеяна и собрана первая жатва.

Может ли человечество забыть этот час своей жизни?

Книг не было, писать не умели, зато всегда найдутся люди, которые умеют складно рассказать.

Индейские племена из века в век передавали устно сказания о своих великих победах над природой, свои наблюдения над ней, а чтобы легче запоминалось, все сказания об'единили именем героя Гайаваты.

Американский поэт Лонгфелло собрал эти сказания индейского народа, обработал их и издал книгу под названием „Песнь о Гайавате". Было это давно—Лонгфелло умер в 1882 году. Давно уже эта книга вышла и на русском языке, а вот недавно Государственное издательство выпустило „Песнь о Гайавате" в новом, хорошем издании с 327 рисунками американского художника Ремингтона. Есть большие рисунки на отдельных листах, а есть очень любопытные маленькие рисунки на широких полях книги. „Песнь о Гайавате" написана стихами; ведь ее индейцы действительно пели. Поэт Бунин так хорошо перевел стихи на русский язык, что сохранился размер подлинника.

Читая эту книгу, нужно помнить, что это—исторический памятник, нужно постараться мысленно перенестись в те далекие времена, когда человечество не доросло даже до возраста нашего октябренка. Когда октябренок спросит у вас, что такое радуга, вы ему толково об'ясните все, что слыхали в школе о радуге, а вот что слышит пытливый герой поэмы Гайавата от своей мудрой бабушки Нокомис про радугу:

Видел радугу на небе,
На востоке, и тихонько
Говорил: „Что там, Нокомис?"
А Нокомис отвечала:
„Это Мускодэ на небе;
Все цветы лесов зеленых,
Все болотные кувшинки,
На земле когда увянут,
Расцветают снова в небе".

Пытлив человеческий разум. Если не может человек об'яснить явления, он придумывает сказку. Скитаясь в поисках за пищей, попадает первобытный человек в долину, загроможденную обломками скал, огромными серыми валунами.

Он не изучал геологии, незнаком с влиянием воды и переменой температуры на горные породы, но его воображение поражает это нагромождение камней: словно кто-то исполинский, большой и сильный, раскидал их здесь. И вот готов рассказ о битве Гайаваты с его отцом Мэджекивисом.

Вот какая разыгралась
Битва в грозные дни Ша-ша,
Дни далекого былого,
В царстве Западного Ветра.
Но следы той славной битвы
И теперь охотник видит
По холмам и по долинам;
Видит шпажник исполинский
На прудах и вдоль потоков,
Видит Вавбика осколки
По холмам и по долинам.

„Песнь о Гайавате" особенно интересно, особенно тепло изображает переход чело-

вечества к земледелию, к оседлости—величайший момент истории культуры.

Гайавата долго размышляет, долго готовится, прежде чем вступить в бой с прекрасным юношей в зеленых одеждах—Мондамином.

Мондамин—олицетворение злака-маиса. По завету Мондамина, Гайавата, победив его, зарывает его тело в разрыхленную землю и сторожит его покой.

День за днем над той могилой
Сторожил мой Гайавата,
Чтобы холм ее был мягким,
Не зарос травою сорной;
Прогонял свистками, криком
Кагаги с его народом.
Наконец зеленый стебель
Показался над могилой,
А за ним—другой и третий.
И не кончилося лето,
Как в самом уборе пышном,
В золотистых мягких косах,
Встал высокий, стройный маис.
И воскликнул Гайавата
В восхищении: „Мондамин!
Это друг людей, Мондамин!“
А поздней, когда под осень
Пожелтел созревший маис,
Пожелтели, стали тверды
Зерна маиса, как жемчуг,
Он собрал его початки,
Сняв с него листву сухую,
Как с Мондамина когда-то
Снял одежды, и впервые
„Пир Мондамина“ устроил,
Показал всему народу
Новый дар Владыки Жизни.

В таких ярких образах изображены в „Гайавате“ главнейшие моменты жизни человечества. Прочтете книгу легко, потому что увлекательно рассказано о битвах и подвигах вождя и героя индейских племен—Гайаваты, а если вдумаетесь внимательно в значение образов, вы поймете, что наряду с этими подвигами и битвами с медведем Мише-Моквой, с Мондамином рассказывается о другой великой борьбе и победах — о победах человеческого ума над немой силой природы. 2 р. 75 к.—вообще дорогая цена, но для школьной библиотеки эта книга необходима. Не пожалеете, если купите ее коллективом—в отряд, в библиотечку при жилтовариществе. Есть что почитать в ней и старому и малому, а поймет ее каждый в меру своего развития: кто больше знаком с историей, тот и поймет больше. Хорошо, если устроите коллективное чтение и беседу по поводу этой книги: знающие пусть об'яснят незнающим, что скрывается за художественными образами сказаний индейских племен.

ЗИМНЯЯ МЕБЕЛЬ

СКЛАДНОЙ СТУЛ-САНИ

Складной стул-сани можно сделать из нескольких палок и кусков кожи для петель. Рис. 3 и 4

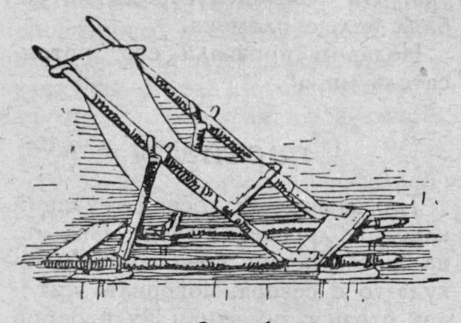

Рис. 1

показывают, как выглядят все части и детали, прежде чем они будут соединены вместе. Сидение можно сделать из куска парусины или какой-нибудь крепкой материи, петли из кожи. Рис. 1 показывает стул после того как он соединен вместе. Для полозьев употребляются коньки, которые могут, по желанию, быть привязаны ремнем или отвязаны. Это совершенно не портит коньков. Когда надо куда-либо перенести стул, его можно сложить. Если поднять раму сиденья, то вилообразные палки, поддерживающие ее, выскочат из выемок на продольных палках рамы и упадут на палки полозьев; затем можно опустить раму сиденья, и носить с собой весь остов не составит никакого труда (рис. 2). Если употребить легкие палки, настоящие металлические петли и красивую материю, можно сделать очень легкий и красивый стул-сани, который без коньков может заменять летний стул. А когда лед снова покроет поверхность воды, надо только привязать ремнем коньки—и кресло превратится в стул-сани.

Рис. 2

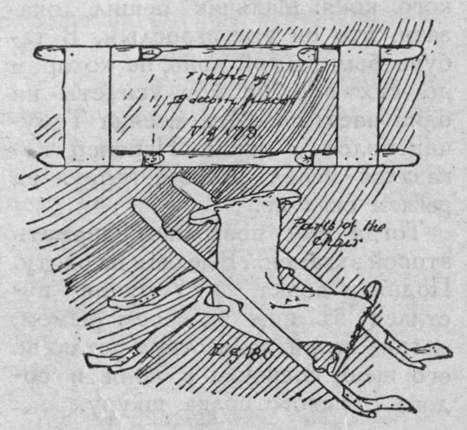

Рис. 3 и 4

СТУЛ-САНИ

Сначала делаются сани, для чего берутся две доски (клепки)

Рис. 5

от бочки и на них набиваются две перекладины. Потом надо прибить четыре плахи формой „L“ на перекладины саней, чтобы укрепить стул на нужном месте (рис. 5). Любой стул может быть употреблен для этой цели.

Очерк ИГНАТА

Старый одноглазый дядька мог гордиться своим учеником. Недаром он учил его:

„Помни, ты—сын хана, поэтому должен быть первым во всем: в еде и голоде, в борьбе и скачках, в войне и мире. Ешь мало: с‘ешь барана—захочется сбросить пояс, сбросишь пояс—захочется спать. Спи мало и чутко — много можешь проспать: и победу, и свободу, и жизнь. Повинуйся беспрекословно, если хочешь повелевать: ни промедления, ни раздумья, ни колебания“.

Суровую школу прошел Чингисхан. И вышел из него умный и жестокий вождь.

Он сумел об‘единить под своей властью разрозненные монгольские племена и с ними двинулся на завоевание мира. Ни в Китае, ни в Туркестане, ни в Персии, ни на Кавказе, ни в России не нашел он врага, который сумел бы отразить его натиск.

„Где пройдут монголы, там трава не растет“,—говорили про его войско. Он разрушал города, истреблял целые племена.

Недаром прозвали его „потрясатель мира“.

Потрясатель мира

Так прозвали кочевники-монголы своего полководца Темучина (Чингис-хана).

До трехлетнего возраста был он на руках у кормилицы-няньки, а потом сдали его дядьке-богадуру [1]. Дядька сразу же посадил его на коня, потом сделал ему маленький лук. Подрос мальчик — дали ему другой лук, побольше. Сначала Темучин стрелял не очень удачно: хотел подстрелить зайца — попал в плечо кормилице, прицелился в коршуна—угодил в глаз своему дядьке. Отец подарил кормилице верблюда, а дядьке двух буйволов, лишь бы загладить обиду, лишь бы сын не потерял вкуса к стрельбе.

Но мальчишки стали дразнить Темучина: стрелок!.. Тот молчал и уходил на целый день в ущелья и упражнялся в стрельбе. Наконец однажды вернулся в улус, волоча раненого орла. В крыле у орла торчала стрела. Теперь Темучина хвалили по-настоящему. А отец на радостях разрешил ему выбрать любого из об‘езженных коней в его табуне.

Но тринадцатилетнему Темучину это был плохой подарок. У монголов первым экзаменом взрослого богадура считалось об‘ездить дикого коня. Мальчик решил доказать, что он уже взрослый. В табуне был рыжий конь, на котором до сих пор не мог усидеть ни один наездник. Два месяца Темучин бился с диким. Наконец показался перед улусом, гарцуя на рыжем скакуне.

Тогда ему позволили держать второй экзамен... Выехали на охоту. Подняли волка, и Темучин пустился за ним на своем рыжем, догнал зверя, захлестнул петлю на его шею, соскочил с коня и содрал с живого волка шкуру.

[1] Богадур — лихой наездник, рубака; отсюда русское—богатырь.

Спартиаты

Так назывался господствующий класс в древнем городе Спарте, на юге Греции. Они пришли откуда-то с севера, покорили жителей страны, обратили их в рабов и заставили на себя работать.

Жизнь спартиатов была сытая и обеспеченная, но жили они как на вулкане—каждый день могло вспыхнуть восстание. Однако они могли хорошо подготовиться к нему. Ведь рабы были для них и хлеборобами, и сапожниками, и портными, и гончарами. Спартиаты знали только одно ремесло—войну, только одно занятие—подготовку к ней.

Новорожденного ребенка мать-спартанка несла к старейшинам, а те осматривали его. Если младенец был крепкий,— его возвращали матери; если казался сла-

ВРЕМЕНАХ

воины и вожди

Рис. Б. ПОКРОВСКОГО

бым,—относили за город в ущелье. Там его то ли сбрасывали в пропасть, то ли отдавали на воспитание пастухам—предания различно говорят об этом. Но в Спарту он не возвращался,—слабым не было места в Спарте.

До семи лет ребенок рос у матери. Потом его воспитывала коммуна. Спал он в общей спальне; постель—тростник, который должен был сам себе нарезать на берегу реки; ни подушки, ни одеяла. Одежда — плащ, один и тот же зимой и летом. Больше ничего— ни обуви, ни шапки.

В школе почти не учили ни читать, ни писать. Там не было классов с партами. Вокруг широкой, гладкой площадки — комнаты для гимнастики и физкультуры. В первой комнате оставляли платье, в следующей—очищались от пыли, дальше шла купальня, за ней—комната для гимнастических упражнений, отдельное помещение было для корика (мешок с землей, привешенный к потолку), который раскачивали для укрепления мускулов и стана. Потом комнаты для отдыха, для занятий музыкой и пением.

За детьми наблюдали воспитатели из стариков, но гораздо больше времени проводили с ними ирены, вроде наших пионер-вожатых. Ирены организовывали примерные сражения, были в них командирами. Устраивали споры и иногда доводили дело до драки – находили это полезным. Пороли детей по определенным дням. Кричать и жаловаться считалось постыдным. Случалось, что и умирали под ударами.

Зато не считалось постыдным красть—лишь бы не попался. Тогда секли.

Воровство развивает смелость, находчивость и осторожность, но пойманный вор—негодный вор.

Когда мальчики подрастали, их ожидали еще два занятия—охота и криптия.

Об охоте спартанских юношей историки не оставили нам правда никаких рассказов. Зато мы подробно знаем о криптии. Это была тоже охота, только на людей.

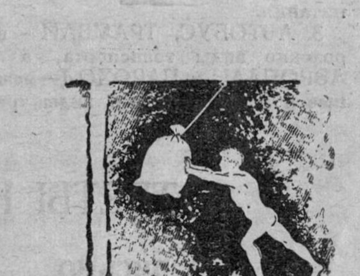
В один прекрасный день группа вооруженных молодых спартанцев выходила из города. Они выслеживали сильных молодых рабов и убивали их. Выгода от этого прекрасного занятия была двойная: во-первых молодежь привыкала к разведке, во-вторых Спарта избавлялась от самых опасных в случае восстания рабов.

Два искусства процветали в Спарте.

Одно — хоровое пение. Старательнее всего спартиаты разучивали боевые песни, которые потом они будут петь перед сражением. Их боевой пеан наводил ужас на врагов.

Другое искусство—меткое слово. Воину не следует говорить много, но слово, сказанное им, должно быть кратко, сильно и убедительно, как удар мяча. Действительно болтливостью спартанцы не отличались, но меткие выражения их повторяли по всей Элладе[1].

Несколько человек рассматривали картину, на которой были изображены афиняне, преследующие разбитых врагов, и начали восклицать:

— Как они храбры!

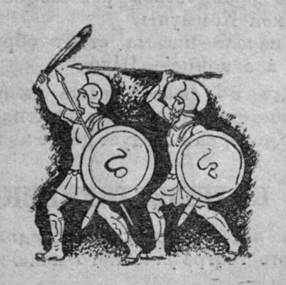
— Да,—заметил спартанец, присутствовавший при этом,—на картине!

В Спарте воинов, павших в бою, приносили на щитах; потерять в бою щит считалось позором. Подавая щит сыну, уходящему на войну, спартанка сказала:

— С ним или на нем.

И до сих пор краткое и меткое выражение называют лаконическим (Лакония—страна, в которой находилась Спарта).

Так воспитывались спартанские воины, которые целые десятки лет не знали поражения на боевом поле.

[1] Так называлась тогда Греция.

СНИП

СЕРИЯ ДЕСЯТАЯ

ЧТО НЕПРАВИЛЬНО В ЭТОМ РИСУНКЕ?

ОТВЕТЫ НА СЕРИЮ 7-ю, ПОМЕЩЕННУЮ В № 20

1. ЦЕНА, АЭРОПЛАН и ЛИФТ опускаются и поднимаются, АЭРО-САНИ и ВЕЛОСИПЕД двигаются лишь по горизонтали.

2. ЗУБЫ, ВОЛОСЫ и ДЕРЕВЬЯ имеют корни, АРБУЗ и РЫБА—продукты питания.

3. АВТОБУС, ТРАМВАЙ — внутригородские виды транспорта, а ПОЕЗД, АЭРОПЛАН и ПАРОХОД—междугородные и международные виды транспорта.

4. ФОНАРЬ, ВЫВЕСКА, ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК стоят на улице, а ЗАНАВЕСКА и ЭТАЖЕРКА—в комнате.

5. ПЕРОЧИННЫЙ НОЖ, МЕТР и КРОВАТЬ складываются, а ШВЕЙНАЯ и ПИШУЩАЯ МАШИНКИ накрываются колпаком.

6. ЧУГУН и ВОДА от холода расширяются, а МЕДЬ, СЕРЕБРО и ЗОЛОТО—сжимаются.

7. РУБАНОК и БРИТВА „жилет" сменяют ножи, НОЖ, НОЖНИЦЫ и БРИТВА не сменяют ножей.

8. ЦИРКУЛЬ, ШКАФ и СТУЛ имеют ножки, БОТИНОК и ГОРА имеют подошвы.

9. АРБУЗ, КУРИЦА и ЖУРНАЛ „Огонек" перед употеблением разрезаются, а САХАРНАЯ ГОЛОВА и ГРЕЦКИЙ ОРЕХ раскалываются.

ОТВЕТЫ НА СЕРИЮ 8-ю, ПОМЕЩЕННУЮ В № 21

I. ПИСЬМО

1. Автор письма не мог лежать в постели „уже неделю", если „вчера встретил Шуру".

2. Автор не мог присутствовать на вечере, если он лежал в постели.

3. „9 термидора"—событие из времен Великой французской революции, а не Парижской Коммуны.

4. В начале письма стоит обращение „Петя", а в конце—„Шура".

5. Судя по фразе „ваша Ленинградская станция", Петя живет в Ленинграде, а не в Киеве, как следует далее из письма.

II. ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Здесь нет несуразности. Недалеко от Северного географического полюса земли расположен южный магнитный полюс ее. Между этими двумя точками „северный" конец стрелки компаса показывает сторону, противоположную Северному (географическому) полюсу земли.

III. В ЗООПАРКЕ

1. Бенгалия находится в Азии (Индия), а Нубия—в Африке, так что „бенгальский" тигр не мог быть привезен из Нубии.

2. „Аравийских" кенгуру не бывает, потому что Аравия находится в Азии, а кенгуру водятся только в Австралии.

3. У пумы нет гривы (она даже носит название „безгривого льва").

4. Павианы принадлежат к семейству не человекообразных, а собакообразных обезьян.

IV. СТРАНА АВТОМОБИЛЕЙ

Америка представляет собою материк, окруженный со всех сторон водой, так что на автомобиле из него не выедешь.

V. КОЛЯ ПОД ДОЖДЕМ

1. Если в начале звезды „усыпают" небо, то откуда взялся гром и ливень через пять минут.

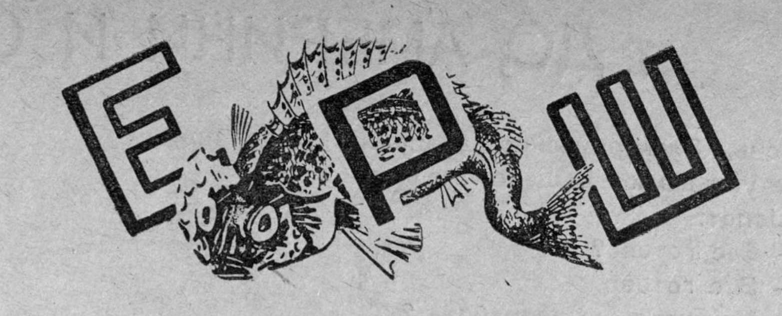
2. Дождь не мог шуршать листьями деревьев, так как Коля в это время был уже в поле.

3. Так как Коля жил в мезонине, то он не мог „осторожно влезть в окно своей комнаты".

4. Отсутствия Коли не могли не заметить, так как он бежал под ливнем и следовательно вернулся совершенно мокрым.

Декабрь 1928 г.

№ 16

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

В ЕРШИНЫЙ МУЗЕЙ

В школах многие ребята, „чтобы не забыть", записывают теоремы, названия рек и т. д. на руках.

(Факт).

Рис. деткора С. Ларина.

Это не рисунок допотопного человека,
Знаки эти не иероглифы,
Написаны они не до X века,
Писали их не варяги, не скифы—

Это не что-нибудь неизвестное,
А это просто рука,
Это изобретение, очень интересное,
Современного ученика.

Разве запомнишь названья всех рек,
Плохая память слишком,
Ученик не машина, а человек
А мозг—не раскрытая книжка.

Вывод отсюда прост и ясен,
Память плоха—запиши в тетрадку,
Да повнимательней слушай в классе,
А не спи на уроке сладко.

Деткор СЕРГЕЙ ЛАРИН.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМИШКО ЕРШОНКА МИШКИ

Здрасте, ребята, опять! Давно не видались, только увиделись как расстались.

Под конец решил я ускорить мои поездки по отрядам и школам, по городам и селам. Медлить пионеру не след. А потому приобрел я велосипед. Эх, и замечательная машина это! Об'езжай хоть вокруг света,—быстро, удобно и легко. Велосипед не „возит молоко", не тащится подобно телеге. Потягайся-ка с ним в пробеге! Словом, велосипедный спорт — прямо первый сорт... Накачал я воздух в каждую шину, вскочил на свою машину и помчался стрелой. Все с пути долой! На проселочной дороге шарахались от меня в тревоге козы и козлы, коровы и волы, курицы и цыплята, свиньи и поросята... А я все ходу подбавлял!

Развив скорость возможную, прибыл я в Кирсановскую школу жел.-дорожную. Вхожу—и несколько ребят мне возмущенно говорят: „Учителя достойны порицанья! Неправильно оценивают наши знанья. Мы, правда, на уроке у них не слушали об'яснений никаких, ибо некогда было заниматься: нужно было шалить и щипаться. Зато перед зачетами в один денек мы подзубрили каждый урок. А учителя придирались без всякой... этики. Например, учитель арифметики позволил себе оспаривать наши слова, что семью семь — сорок два. А по грамматике нам сказали сурово, что мы неправильно пишем „Карова". Несправедливость учителя творят!"... Не стал я дальше слушать этих ребят.

И так все ясно!

Нажал я педали и помчался дале. Летел, как пух, во весь дух. И вдруг—трах, сотрясенье! Неожиданное приключенье: на полном ходу, себе на беду, налетел я на спящего борова. Вот так здорово! Велосипед подпрыгнул, заскрипел, я кубарем полетел, три раза перевернулся и на дороге растянулся во весь ершиный рост. Вывихнул себе хвост и повредил слегка два плавника. А боров завизжал отчаянно и зовет на помощь хозяина и пускается на-утек, спасая свой „пятачок". Я встал, поднял машину, поглядел на лопнувшую шину, потрогал свой синяк да рубец—и поездке конец. Требуется машине ремонт, мне—леченье. А пока—мое почтенье!

ЕРШОНОК МИШКА

ДО АМЕРИКИ И ОБРАТНО

Ночь. Электрические лампочки. Двое при свете увязывают вещевой мешок.

Шопот:

— Все готово?

— Все готово.

— Маршрут ты разработал?

— Разработал.

— До самой Америки?

— До самой.

— Ну, говори...

— Садимся на Казанском вокзале, в Люберцах покупаем местные яблоки у туземок. В Воскресенском спасаемся от контролера. В Коломне уже будет телеграмма от родителей. А из Рязани нас отправят домой.

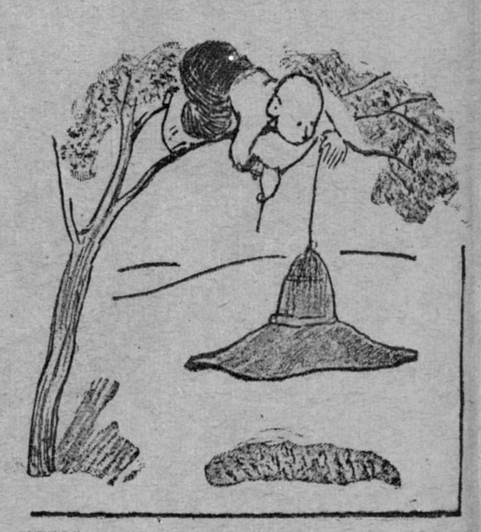
КУЗЬКА НА ОХОТЕ

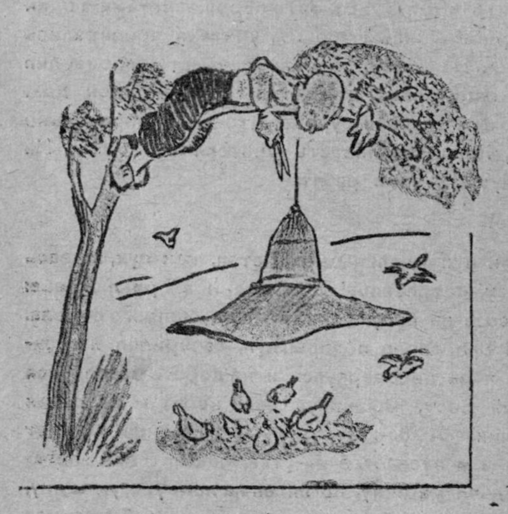
Поймаю

Кузька хитрый

Ждем гостей

Тсс!

Чик...

Дело в шляпе.

О Т Г А Д А Й

ЗАДАЧА № 61

Даны две фигуры: ромб А (четырехугольник, у которого все стороны равны между собой) и прямоугольник Б.

Требуется эти фигуры разрезать только по одной прямой линии так, чтобы из полученных частей можно было составить правильный пятиугольник.

Как решить эту задачу?

УРОК ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

(Головоломка)

Я беру четыре листочка бумаги и пишу на них одну и ту же цифру. Затем, сложив листочки с цифрами рядом, я получаю интересное четырехзначное число, а именно: если из него вычесть год, в котором произошла одна из революций, то получится тот же год, но только написанный в обратном порядке.

Отгадайте, ребята, какую цифру я писал, какое число я составил и о какой революции идет речь?

ЗАДАЧИ-ШУТКИ

1. Какое число с буквой поддерживает жизнь человека и животных?
2. Какая специальность определяется сотней нот с прибавлением одной буквы?
3. Какие две ноты с прибавлением женского имени всегда отличают нас друг от друга?
4. Какие современные орудия войны с буквой напоминают нам известного писателя?

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В №№ 3, 11, 12, 13, 14, 15

№ 3

В первый раз стрелки должны сойтись между 1 и 2 час. Промежуток времени, чтобы сошлись стрелки будет равен 1 ч. $5^5/_{11}$ м. Стрелки сойдутся:

В 1-й раз в 1 ч. $5^5/_{11}$ м. (Оч.+1 ч. $5^5/_{11}$ м.)

„ 2-й раз в 2 ч. $10^{10}/_{11}$ м. (1 ч. $5^5/_{11}$ м. + +1 ч. $5^5/_{11}$)
„ 3-й раз в 3 ч. $16^4/_{11}$ м.
„ 4-й „ „ 4 ч. $21^9/_{11}$ м.
„ 5-й „ „ 5 ч. $27^3/_{11}$ м.
„ 6-й „ „ 6 ч. $32^8/_{11}$ м.
„ 7-й „ „ 7 ч. 38 $/_{11}$ м.
„ 8-й „ „ 8 ч. $43^7/_{11}$ м.
„ 9-й „ „ 9 ч. $49^1/_{11}$ м.
„ 10-й „ „ 10 ч. $54^6/_{11}$ м.
„ 11-й „ „ 12 ч. —
„ 12-й „ „ 13 ч. $5^5/_{11}$ м.
„ 13-й „ „ 14 ч. $10^{10}/_{11}$ м. и т. д.

В 22-й раз в 24 часа.

Следовательно стрелки встретятся 22 раза.

№ 34

1) С. Халтурин, 2) Марат, 3) Кибальчич, 4) К. Либкнехт, 5) Ленин, 6) О. Бланки, 7) А. Бебель, 8) Ульянова, 9) Лассаль, 10) К. Цеткин, 11) Я. Рудзутак, 12) Свердлов, 13) Ф. Дзержинский, 14) Ф. Энгельс, 15) М. Бакунин, 16) Варлен, 17) Плеханов, 18) Делеклюз.

№ 35

Дележ денег был произведен неправильно.

При дележе хлеба каждый из трех туристов палучил $^8/_3$ или $2^1/_3$ булочки. Следовательно при расчете турист, имевший 3 булочки, должен был получить деньги только за $^1/_3$ своего хлеба ($3-2^2/_3$), а тутист, имевший 5 булок—за $^7/_3$ хлеба ($5-2^2/_3$). Отсюда можем составить отношение $^7/_3:{}^1/_3$ или 7:1, т.-е. турист, имевший 3 булочки, должен был получить 1 копейку, а другой—7 копеек.

№ 37

Положим, что первый мальчик нарвал t вишен, второй — u, третий — x, четвертый—y и пятый—z вишен.

По условию задачи, если бы второй мальчик сорвал u+16 вишен, то это число вишен было бы равно 2t; равным образом $x+25=2u$, $y+36=2x$, $z+49=2y$. Следовательно, число вишен, сорванных каждым мальчиком, можно представить так:

1) t, 2) 2t—16, 3) 4t—57, 4) 8t—150 и 5) 16t—349, что в сумме дает 31t—572 вишни. На долю каждого мальчика после раздела пришлось $\frac{31t-572}{5}$ вишен. Так как это последнее число—целое и положительное, то число t в данном случае должно быть не менее 19 и оканчиваться цифрой 2 или же 7; иначе говоря, t может быть равно: 22, 27, 32, 37 и т. д. При таких значениях для t число вишен, доставшихся каждому мальчику после дележа, равно 22, 53, 84, 115 и т. д., а число вишен, сорванных вторым мальчиком—28, 38, 48, 58 и т. д. Отсюда ясно, что первым значением для t, удовлетворяющим условию задачи, является 32, ибо при таком значении числа вишен, сорванных вторым мальчиком и доставшихся ему после дележа, равны 48 и 84.

№ 38

Лошади были переставлены следующим образом:

Из	№	6	в	№ 5	Из	№	7	в	№ 5
„	„	4	„	„ 6	„	„	9	„	„ 7
„	„	3	„	„ 4	„	„	8	„	„ 9
„	„	5	„	„ 3	„	„	6	„	„ 8
„	„	7	„	„ 5	„	„	4	„	„ 6
„	„	8	„	„ 7	„	„	2	„	„ 4
„	„	6	„	„ 8	„	„	3	„	„ 2
„	„	4	„	„ 6	„	„	5	„	„ 3
„	„	2	„	„ 4	„	„	7	„	„ 5
„	„	1	„	„ 2	„	„	6	„	„ 7
„	„	3	„	„ 1	„	„	4	„	„ 6
„	„	5	„	„ 3	„	„	5	„	„ 4

№ 39

Если отношение числа возов пеньки, отправленных каждым из крестьян, составляло 1:2:3, то и суммы, вырученные от продажи пеньки, а равно и расходы, произведенные сыновьями крестьян на развлечения, должны находиться в таком же соотношении. По условию Сергей выручил за пеньку 96 руб., а Иван за вычетом расходов сына на удовольствия, получил 138 рублей; эти две суммы не могут находиться в отношении 1:2 или 1:3, а только в отношении 2:3. В таком случае сумма, вырученная за пеньку сыном Ивана, должна составлять 144 р. $\left(\frac{96.3}{2}\text{ р.}\right)$, т.-е. сын Ивана издержал на развлечения 6 руб. (144—138). Как известно, Дмитрий издержал на развлечения 2 р. и, следовательно, третий из сыновей израсходовал на тот же предмет 4 руб., цена же воза пеньки составляла 12 р. (2 р.+4 р.+6 р.) Сергей, выручив деньги (96 р.), должен был продать 8 возов пеньки; отсюда заключаем, что он был сыном Петра. Остается теперь разрешить вопрос, чьи были сыновья Дмитрий и Илья. Как сказано выше, сын Ивана издержал 6 руб. и, следовательно, Илья был его сыном, а Дмитрий—Степана.

№ 40

1) 950.642,6 года. 2) 2 м. $46^2/_3$ сек. 3) 50 млн. спичек.

№ 41

У Миши остались кости—$^5/_6$, $^5/_5$, $^2/_5$, у Зины—$^0/_6$, $^1/_5$, $^4/_2$, у Зои—$^0/_5$, $^1/_2$, $^2/_2$, у Коли—$^4/_1$.

Игра шла следующим образом: $^3/_3$, $^3/_6$, $^6/_6$, $^6/_2$, $^2/_3$, $^3/_5$, $^5/_4$, $^4/_4$, $^4/_3$, $^3/_1$, $^1/_6$, $^6/_4$, $^4/_0$, $^0/_3$ (=100).

№ 42

Рассмотрим все комбинации, которые можно составить из частей железнодорожного пути между отдельными станциями от A до F и подсчитаем в каждой комбинации число маршрутов. Разобьем эти комбинации на группы по числу частей железнодорожного пути, входящих в их состав. Для удобства обозначим пути между станциями B и C через P, а между станциями D и E через Q, путь между C и E через 1, между C и D через 2 и между B и D через 3. Части железнодорожной линии A—B и E—F откинем, т. к. они никакого значения при подсчете числа маршрутов не имеют. 1-я группа (2 комбинации) P1 и 3Q заключает в себе по 3 различных маршрута каждая; 2-я группа (2 комбинации) P2Q—9 маршрутов, а 3, 2, 1—всего 1; 3-я группа (4 комбинации) PPP1 и 3QQQ—по 6 маршрутов, а PP3Q и P1QQ по 18 маршрутов каждая; 4-я группа (8 комбинац.) PPP2Q и P2QQQ также содержат 18 маршрутов, а PP3—2—1, 3—2—1QQ, P2—3P1, 3QQ2—1, 3—2PP1 и 3Q, 1—2Q по 6 маршрутов каждая; 5-я группа (2 комбинации) PP3QQQ и PPP1QQ по 36 маршрутов и 6-я группа (12 комбинаций) PPP2QQQ, PP3—2—1QQ P1Q2P3Q, P1Q3P2Q, P2Q1P3Q, P2QQ3P1, PP3Q1—2Q, PP3Q2—1Q, 3—2PP1QQ, 3QQ2PP1, PP3QQ2—1 и 3Q1PP 2Q по 36 маршрутов каждая комбинация. Всего, следовательно, 640 маршрутов. Способ определения числа маршрутов в любой комбинации не представляет затруднений; напр. комбинация PP3—2—1 содержит $3\times2\times1\times1\times1=6$ маршрутов, PPP 2QQQ $3\times2\times1\times1\times3\times2\times1=36$ маршрутов и т. д.

Цена 20 коп.
41618
пионер
пионер
пионер
открыта подписка на
1929
год.
ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО даст «ПИОНЕР» в 1929 г.
?
Все что было в прошлом году и еще:
42 чудака изо всех стран.
12 номеров КИП'а (клуб инженер-пионеров).
24 номера единственного в СССР детского юмористического журнала ЕРШ.
1 географическую игру.
24 БУМЕРАНГА, в котором вы будете обсуждать самые интересные вопросы.
И ЕЩЕ
И ЕЩЕ
И ЕЩЕ
много всякой всячины.
В первом номере начинают печататься
ДВЕ
ДВЕ
ДВЕ
повести:
А. Кожевников — ДЕМА ШАПКИН.
Л. Кассиль — КОНДУИТ
Нет школьника, нет пионера, который в 1929 году не читает своего журнала!
Москва. Главлит А 26.838. Изд. № 3.036. 30.000 экз.
«Мосполиграф», 16-я типография. Трехпрудный, 9.
Редколлегия: Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, Н. РАЗИН, Н. ЭПШТЕЙН.
Отв. редактор Н. РАЗИН.